



АЛЕКСАНДР
КУЧАЕВ

СЫНОВЬЯ
БОГОВ

Издательство
«Белком Плюс»

Александр Кучаев

Пасынки богов

«Геликон Плюс»

2019

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кучаев А.

Пасынки богов / А. Кучаев — «Геликон Плюс», 2019

ISBN 978-5-00098-226-6

«Я сопротивлялся до последнего. Но меня теснили и начали угрожать пистолетом. – Иди, иди, – говорили мне с угрюмой ухмылкой, – двигай. Там твоё место теперь. Тебе понравится, ха-ха... Уж да, там ему будет ништячно... Смотри-ка, не хочет... Хватит базарить! Устроили балаган... Шкворень, проводи юношу. На, подстегни его. Шурка Терентьев, по прозвищу Шкворень, давнишний мой уличный неприятель, был у этих людей на подхвате. Лиходеи, готовившиеся уничтожить меня, только недавно взяли его к себе, и он старался изо всех сил...»

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-226-6

© Кучаев А., 2019
© Геликон Плюс, 2019

Содержание

Часть первая. Становление	6
Глава первая. Заживо погребённый	6
Глава вторая. Необыкновенные способности	11
Глава третья. «Таверна Кэт»	17
Глава четвёртая. Камаш, Рыжван и Файзула	20
Глава пятая. Разорение и его последствия	24
Глава шестая. Переселение	30
Глава седьмая. Рыбаки	35
Глава восьмая. Кладоискательство	39
Глава девятая. Попытка ограбления	45
Глава десятая. Кладоискательство. Продолжение	48
Глава одиннадцатая. Кирзовые сапоги	55
Глава двенадцатая. Экстрасенсорика и вокруг неё	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Кучаев

Пасынки богов

© Кучаев А, текст, 2019

© Геликон Плюс, макет, 2019

Часть первая. Становление

*Вон видишь, в бурю дуб обломился, а малый росток вырос в три
раза.
Из японской поэзии*

Глава первая. Заживо погребённый

Я сопротивлялся до последнего. Но меня теснили и начали угрожать пистолетом.

– Иди, иди, – говорили мне с угрюмой ухмылкой, – двигай. Там твоё место теперь. Тебе понравится, ха-ха... Уж да, там ему будет ништячно... Смотри-ка, не хочет... Хватит базарить! Устроили балаган... Шкворень, проводи юношу. На, подстегни его.

Шурка Терентьев, по прозвищу Шкворень, давнишний мой уличный неприятель, был у этих людей на подхвате. Лиходеи, готовившиеся уничтожить меня, только недавно взяли его к себе, и он старался изо всех сил.

Старший, Комарин, командовавший расправой, протянул ему пистолет, и тот с готовностью взял оружие.

Мы встретились взглядами. Мой палач казался неумолимым. И всё же что-то в душе его дрогнуло и отразилось в облике; кадык дёрнулся, в глазах появилось смятение. Непривычно ещё было ему убивать человека. Однако почти сразу же на лице парня проявилось ещё большее ожесточение. Должно быть, он разозлился на себя за то, что допустил слабость.

Два выстрела немного выше головы и один мне под ноги, возле ступней, были более чем убедительны. Я попятился вглубь пещеры, и чёрный каменный свод скрыл небо, синее в тот момент, с лёгкими перистыми облаками. Мы оказались на небольшой площадке, ограниченной неровными стенами.

– Ладно, Шурка, чёрт с ним! – донёсся снаружи голос Комарина. – Пристрели его, чтобы не мучился. Пацан ещё он совсем.

– Хорошо, Яков Матвеич! – крикнул Шкворень, на секунду повернув голову к выходу. – Пристрелю!

И обратился ко мне.

– Ну что, Чалдон, звиздец тебе пришёл. Сейчас подохнешь от моей руки.

Намеренно неспешное движение, и в лицо мне уставилось чёрное дуло, заряженное смертью; в пещерных сумерках видно было, как на спусковом крючке напрягается палец исполнителя казни. Но в последнее мгновение Шкворень оступился на камне, оружие отклонилось немного в сторону, и огневой вихорёк, вытолкнувший пулю из ствола, лишь слегка опалил мне щёку.

Грохот выстрела заставил сделать шаг назад, и я полетел куда-то вниз.

«Всё, конец», – мелькнуло в голове. Из груди вырвался невольный крик.

Однако после двух или трёх метров свободного падения началось нечто похожее на крутой бугорчатый скат, почти мгновенно сменившийся на всё большую пологость, и я оказался на относительно ровном грунте, с двух сторон ограниченном тёмными отвесными стенами, а с третьей – уже упомянутым скатом. С четвёртой стороны было неведомое пространство, зашторенное непроницаемой тьмой.

– Ну что, прикончил? – донёсся отдалённый голос Комарина.

– Да, выстрелил. Прямо в морду, – отчётливо прозвучало под сводами пещеры. Это Шкворень так отчитался о проделанной работе. – Полетел в ямину, словно ветром сдуло. Тут обрыв, вот он с него и...

– Ну и славненько! Давай сюда, нам ещё с входом доделывать надо.

Рёбра и колени ныли, но кости остались целыми, ничего не было сломано. Ушибы же не представлялись смертоносными. Я встал на ноги и, задрал голову, взглянул наверх. В тёмном проёме вышины, за краем обрыва, виднелось тусклое отражение дня.

Немного погодя оттуда донёсся какой-то глухой шум, похожий на удары. Должно быть, наверху долбили грунт. Ломом или лопатой. Следом к этому шуму добавились ещё какие-то звуки, то нарастающие, то убывающие. Потом наверху стихло, и вдруг раздался такой грохот, что заложило уши, зазвенело в голове, и я упал, как подкошенный; когда же пришёл в себя, никакого отсвета со стороны входа уже не было, и замкнутое пространство пещеры погрузилось в полную темноту.

Вспомнились двое сподручников Комарина, стоявших недалеко от подножия Девичьих гор, куда меня привезли. В руках одного из них была, насколько я понял, связка динамитных или тротильных шашек, похожих на короткие жёлто-красные палочки. Такие связки доводилось видеть в кино при показе взрывных работ или подготовке диверсии.

Получалось, что мои уничтожители выдолбили шурф, заложили в него эти шашки и взорвали их. И под воздействием взрыва выход из подземелья завалило каменной породой.

Снаружи, на значительном расстоянии прозвучал шум мотора; постепенно он отдалялся, становился всё глуше, а затем и вовсе стих.

Очевидно, наверху закончили своё дело и отбыли восвояси.

Меня не пристрелили и не утопили в реке или озере, а погребли заживо. Исключительно для того, чтобы я подольше мучился и в полной мере испытал гнетущий страх перед медленно подступающим тёмным образом с пустыми глазницами и приподнятой над черепом стальной косой.

Хотя нет, по-другому: главный палач передумал и велел меня пристрелить, только Терентьев не совладал с собой, сделал оплошку, в итоге и получилось так, как первоначально задумывалось.

Какое-то время я пребывал в состоянии тяжёлой психологической и физической оцепенелости. Просто неподвижно стоял и бессмысленно таращился в черноту, служившую продолжением пещеры.

Наконец нарастающая усталость понудила зашевелиться. Переступив с ноги на ногу, я присел на грунт и, прижав колени к груди, уронил голову на руки. Лоб ощутил стеклоподобную выпуклость наручных часов. Содержимое карманов (перочинный ножичек, деньги – несколько купюр и мелочь) у меня выгребли, а часы оставили. Специально, чтобы усилить мучения.

– Будешь смотреть, сколько сидишь в этой гробне, – говорили мне перед тем, как затолкать в земной провал. – И прикидывать, сколько ещё удастся протянуть. Если, конечно, сумеешь что-нибудь разглядеть в темноте.

Это были настоящие садисты, получавшие удовольствие от мучений людей.

Отведя руку, я взглянул на циферблат и... на нём отчётливо обозначились не только зеленоватые чёрточки стрелок, но и окружность циферок по периметру. Машинальный отсчёт дал понять, что на дне подземной полости я уже больше ста минут.

То, что удалось определить время, воспринималось как вполне естественное.

С некоторых пор, уже года полтора или два назад, у меня открылась способность различать те или иные предметы даже в абсолютной тьме. Особенности полов, стен и углов в глухом безоконном помещении, например. Или рельеф местности ночью в безлunii на довольно значительном расстоянии. При сплошном покрове туч и отсутствии каких-либо рукотворных источников света, когда нет, допустим, того же зарева над далёким селением или отсвета уединённого костра, спрятанного в складках местности. Короче, не хуже совы, которая ночью видит во много раз лучше обычного человека.

Вот и теперь моё зрение постепенно приспосабливалось к пещерному мраку. Обозначились ближние каменные стены и мрачный тяжёлый свод над головой. Одно лишь пространство впереди, в глубине пещеры оставалось закрытым чёрной непроницаемой завесой; оттуда тянуло холодом и сыростью.

Скоро ночь, а хотелось узнать, не осталось ли наверху, в заваленном проходе, какой-нибудь щели, которую можно бы расширить. И выбраться из заточения.

Скат, уменьшивший скорость моего падения, изобиловал многочисленными выступами и впадинами, похожими на ступеньки, и подняться до верха обрыва, за которым должен был находиться завал, не составило труда.

Одна ступенька, вторая, третья, ещё одна, ещё – и я на площадке, с которой меня столкнул пистолетный выстрел.

Увы, выход загромождали тяжёлые каменные глыбы. Сдвинуть их с места не под силу было бы и десятерым. И нигде ни одного просвета. Выбраться на свободу не представлялось возможным.

Странно, что у меня так и не появилось панического страха из-за ужасного положения, в котором я оказался и который вроде бы должен испытывать каждый, уготованный к лютой кончине. На душе было тяжело, чувствовалась разбитость, однако всё ещё не верилось, что мне осталось недолго.

Судя по положению стрелок на часах, солнце на воле, вне пределов горы, в недра которой меня заключили, уже должно было уйти за горизонт.

На тело давила невероятная физическая усталость, всё больше тяжелела голова. Надо было как-то устраиваться на ночлег.

Склон Девичьих гор, в основании которых пряталось подземелье, находился на южной стороне, погода в те дни стояла жаркая, каменные глыбы прогрелись, и на пяточке у заваленного выхода было сравнительно тепло. Внизу только, под обрывом, властвовали холод и сырость.

У одной из стенок покоился слой рваной ветоши, и я улёгся на этот одр, укрывшись лоскутом грязного засаленного одеяла.

Должно быть, прежде здесь спасались от непогоды бомжи или какие-то другие несчастные, лишённые нормальной кровли над головой и человеческого участия, и они-то и обустроили сию постель.

Спал я как убитый. Проснувшись же, сразу вспомнил, где нахожусь и при каких обстоятельствах попал в каменное нутро.

Стрелки на циферблате показывали шесть часов. Значит, уже утро и снаружи ярко светит солнце, поют птицы, шелестят листья на деревьях. Только здесь, под огромной массой горной породы, сумрачно и тихо-тихо. Как, наверное, бывает только в могиле. Главная разница – наличие воздуха, обеспечиваемое значительными размерами подземелья. Не исключено, что воздушные струи проникали и через незримые пустоты, соединявшиеся с внешней средой.

Итак, чем я располагал?

У меня был уже упомянутый воздух; запасов кислорода в замкнутом пространстве, тянувшемся в глубину горы, хватит до последнего часа. На весь отмеренный мне отрезок времени. И даже более того. Я был здоров, практически полностью сохранилась способность к движениям. Если не считать хромоты от падения. Но это пустяки – не сегодня-завтра пройдёт.

Кроме того, в моём распоряжении имелись лохмотья, служившие постелью. В них можно было согреться. И несколько пустых пивных бутылок и ржавых банок из-под консервов.

Но у меня не было еды и воды. Вот что ограничит моё существование. Особенно вода. Она – первый ограничитель. От кого-то доводилось слышать или вычитать в книгах, что без питья человек способен продержаться от одних суток до шести. В зависимости от условий, температурных скорее всего. И состояния организма.

Но, может, в подземелье есть какой-нибудь родник или колдобина с водой? Если да, то дело будет только за едой. Обычный, в хорошей физической форме человек способен продержаться без питания до двух месяцев – шестьдесят дней.

Во рту чувствовалась сухость. Кажется, недостаток влаги уже начал сказываться. Но, возможно, это лишь психологический эффект перед ожидаемыми мучениями.

А что, если имеется другой выход из пещеры?! Надо только найти его и спокойно выбраться наружу.

Не теряя ни секунды, я начал спуск в сумрачную глубину и вскоре оказался на том месте, где мне уже довелось находиться после падения с обрыва.

Похожий на шахту ход различался теперь ещё отчётливей, чем в первые часы заключения, и я довольно уверенно двинулся вперёд, придерживаясь правой твёрдой, сплошь каменной, несколько красноватой поверхности стены.

По рассказам знающих людей, раньше в Девичьих горах добывали природный камень для строительства. В основном он шёл на облицовку цоколей и фасадов зданий. И обустройство внутренних интерьеров.

При добыче горных отделочных материалов эти пещеры и вырыли. Всего их было семь.

Одна из них называлась Галаевой, потому как в стародавние времена в ней укрывался местный разбойник Галай, несколько лет грабивший купеческие суда на Ольме. Пока его не поймали и при большом стечении народа не повесили на Ольминском поле – центральной площади нашего Ольмаполя.

По слухам, в той пещере знаменитый тать зарыл клад с несметными сокровищами. Многие охотие до лёгкой поживы пытались найти спрятанное – вероятно, деньги, меха, золотые и иные дорогие изделия, – да только без толку. Не отдавали горы разбойничий клад.

Вспоминая теперь особенности рельефа, я предположил, что именно в Галаеву пещеру меня и заключили.

Только, пожалуй, никакая это не каменоломня. Как можно было вытаскивать тяжёлые глыбы со дна такой глубокой полости наверх, да по обрыву, что перед выходом?! Главное, зачем, когда камень проще добывать чуть ли не с самой поверхности горных склонов? Нет, скорее всего Галаева пещера – естественное природное образование. Хотя какое это имеет сейчас значение!

Подземелье уходило вглубь Девичьих гор с некоторым понижением, я же надеялся, что начнётся подъём и откроется выход на волю.

Однако моё продвижение закончилось тупиком. Дальше пути не было. Как и выхода на поверхность. Протяжённость природной галереи не превышала трёхсот метров. В самой нижней части её царил ужасный холод. Почти как зимой или поздней осенью. А во впадинах каменного грунта лежали пласты льда, появившегося, может быть, тысячи лет назад, ещё в пору образования пещеры.

По краям неровных ледяных наростов виднелись разновеликие ободья талой воды, местами переходившие в небольшие озёрца, и я тут же прильнул губами к поверхности одного из них.

Утолив жажду, встал и огляделся вокруг; я был в заточении, глубоко под землёй, но у меня появилась вода, много воды, и мой последний час отодвигался на два месяца. Но это самое большее.

На мне были лишь летние брюки и рубашка-безрукавка, и стылый воздух около льда всё сильнее давал знать о себе. Меня пробил мелкий озноб, и я заторопился назад, к выходу, заваленному породой; там, на более высоком уровне было намного теплее.

Поднявшись по обрыву, я присел на постельные лохмотья и натянул на плечи обрывок одеяла. Тягостные размышления, подкреплённые острыми сосущими спазмами в желудке, овладели мною ещё сильнее.

Совершенно очевидно, что мне предстоит умереть с голоду. Мрачная действительность указывала именно на такую кончину. Время её пришествия было вполне прогнозируемо. И всё же не хотелось верить, что дни мои сочтены. Должен, должен быть путь к спасению! Но какой?

Выход завален тяжёлыми глыбами, их не одолеть. При отсутствии еды организм быстро ослабеет, и тогда даже спуск к воде превратится в большую проблему. Пожалуй, что последний мой час не через два месяца, а гораздо ближе.

Еда – вот что необходимо прежде всего. Но где взять её в замкнутом пространстве, в котором нет ни одного растения и ни одного живого существа? Здесь не водятся даже крысы. Потому как нет корма для них.

Придёт ли кто на помощь? Извне, снаружи, помощи ждать нечего, ведь о моём местонахождении никому не известно. Кроме преступников, совершивших злодеяние. Так что... Но, может, продержаться в подземной темнице и обрести свободу помогут мои необычные способности? Те самые, которые я развивал в себе столько лет и о которых абсолютное большинство людей, в том числе из близко знакомых, даже не догадывались!

Однако достаточно ли будет для спасения одних лишь этих качеств?

То, о чём мне подумалось, казалось совершенно фантастическим. К тому же прежде я никогда этим не занимался за ненадобностью – и в голову не приходило.

Глава вторая. Необыкновенные способности

Зачатки экстрасенсорности – телепатических способностей, ясновидения и других необычных отличительных свойств – появились у меня после того, как я разбился, прыгнув с обрыва Хромушкиной горы.

У нас, в нашем селе Чукалино, многие смотрели телевизионную передачу про городских мальчишек, прыгавших в снежный сугроб с крыши пятиэтажного дома. Сугроб был глубокий, а снег рыхлый, и всё у этих дурошлёпов обходилось без травматических последствий. Их ругали, угрожали наказанием, но бесполезно. Так продолжалось, пока снег возле дома не погрузили в самосвалы и не увезли.

Вот и мы, сельская ребятня, прыгали. В снежные наносы. Только не с крыши, а с высокого крутого обрыва Хромушкиной горы. И опять же прыжки у всех проходили благополучно, и никто ничего, кроме восторга от стремительного полёта, не испытывал.

Один лишь я допрыгался, угодив не в снежную глубину, а на твёрдый, закаменевший от морозов выступ.

Помню ужасный сокрушающий удар, когда я хряснулся о ледяной монолит, и то, как у меня оборвалось дыхание. Я сидел на выступе и не мог вдохнуть. Долго-долго не мог вдохнуть – до нескончаемости.

Мои товарищи спустились ко мне и, испуганные моим беспомощным состоянием, начали кричать: «Максим, Максимка, что с тобой, вставай?!»

А я не мог дышать. Организм словно колебался, не зная, что ему делать: то ли провалиться в тёмное небытие, перед которым он вдруг оказался, то ли остаться в мире сём.

Потом лёгкие всё же сумели сделать короткий неполный вдох, после чего дыхание опять надолго остановилось.

На какое-то время я потерял сознание. Мальчишки теребили меня, трясли, пробовали поднять, но смогли только посадить, как тряпичную куклу, то и дело валившуюся набок. Кажется, на минуту или две сердце моё остановилось, а нематериальная субстанция, именуемая душою, покинула тело и приподнялась на небольшую высоту. Я увидел себя – ватного, неподвижного, опрокинувшегося на лёд, и ребятню, суевившуюся вокруг и пробовавшую оживить обмякшее тело.

В конце концов смерть отступила, что-то во мне вновь подключилось к жизни, я начал приходить в себя и задышал бурно-бурно, со стоном.

Наступил момент, когда я отдышался и встал, и у меня хватило сил выбраться из-под обрыва.

Мы направились в село. Мальчишки, шедшие рядом, о чём-то тихонько переговаривались; я не слушал их – во мне каждый шаг отдавался ухающими болезненными стопами в обеих сторонах груди. Будто лёгкие сорвались со своей основы и качались теперь вверх-вниз на тоненькой нити, ежесекундно готовой оборваться.

Дома я ничего не сказал о случившемся, и мои родители так и остались в неведении. Две или три недели, точно не помню сколько, я старался меньше двигаться и, если не был в школе, долгими часами сидел на полу у подтопка, прислонившись спиной к тёплой его стенке.

Должно стать, у меня не только лёгкие оказались повреждёнными, но и все остальные внутренние органы, прежде всего печень и почки. Судя по сбоям в работе главных пищеварительных и выделительных органов.

И мозгу, пожалуй, досталось, ибо нечем больше объяснить отклонения, начавшие происходить со мной с того критического момента, прежде всего связанные с изменённым восприятием окружающего пространства, чего не было до падения. Более тонким, а порой зыбким видением его – словно через неверное плывущее марево, если можно так выразиться.

Много лет спустя я пришёл к выводу, что удар, полученный мною, воздействовал и на шишковидное тело, эпифиз по-другому. То есть на ту самую железу в центре головного мозга, которая ответственна за появление и развитие необычных способностей. Каким-то образом активировал её.

Но, возможно, активация стала результатом кратковременной остановки сердца, при которой наступившее кислородное голодание включило дополнительные ресурсы мозга. Для сохранения жизни.

С возрастом у абсолютного большинства людей эпифиз в значительной степени атрофируется и снижает свои функции. Но только не у меня.

Несомненно, что пинеальная железа – ещё одно название сего мозгового придатка – с годами только усилила свои функции. Что и привело к появлению и развитию упомянутой выше экстрасенсорности. А также многих других качеств, разительным образом отличавших меня от остальных граждан, преимущественно занятых лишь обретением денег и удовлетворением житейских потребностей. И получением разных удовольствий.

Полагаю, что кроме травмирования при падении дополнительной причиной формирования сей железы стало и моё вынужденное долговременное прислушивание к болезненным процессам, проистекавшим в организме.

Уже в первые дни после злополучного прыжка меня стали посещать всяческие видения тонкого плана. Большинство из них быстро забывались, но некоторые невозможно было стереть ни временем, ни самыми острыми обстоятельствами.

Хорошо, в мельчайших подробностях врезалось в память появление образа покойной бабушки Вари, ушедшей в мир иной за полтора года до рокового случая.

Она присела напротив на табуретку, долго молча смотрела на меня, укоризненно покачивая головой, а потом сказала:

– Ладно, что случилось, то случилось. Но ты не унывай, внучек, не плачь. Со временем всё у тебя подживёт, наладится, и ты вырастешь крепким здоровым парнем – не слабее большинства. И тебя ждут удивительные приключения, каких свет не видывал до сей поры.

– Какие приключения, бабушка? – спросил я, вглядываясь в знакомые черты и, как ни удивительно, оставаясь в совершенном спокойствии – ни малейшего испуга.

– А вот узнаешь. Вспомнишь, что я сказала. Ну, держись тут. Мне же пора отправляться в своё измерение, к моим родителям и подружкам. Однако я ещё приду к тебе. Не скоро, спустя годы, когда окажешься в такой страшной ситуации, что лучше сейчас о ней не говорить.

С этими словами бабушка встала и, пройдя сквозь стену нашего дома, исчезла в неведомом пространстве.

И ладно бы эта сценка происходила во сне, а нет же – днём, наяву, в тот момент, когда я опять примостился к своему подтопку, чтобы возобновить чтение книжки величайшего писателя Джека Лондона с его удивительными рассказами о борьбе людей за выживание в экстремальных условиях.

Ну и помимо тонкого плана начало происходить много другого, вроде бы пустячного, но тоже заставлявшего думать о не совсем обычном, близком к чудесному.

Помню, как моя матушка Любовь Евгеньевна потеряла нателный серебряный крестик, который она носила на себе чуть ли не со дня рождения. Мать была довольно-таки верующим человеком, сильно переживала из-за потери и всё приговаривала, что не к добру это, что ждёт её наказание, кара небесная за грехи вольные и невольные.

Слушал я, слушал её причитания, а потом возьми и ляпни, словно в шутку и даже с насмешливой улыбкой, сам не думая о том, что говорю:

– Ха, грехи! Ты лучше бы в бане посмотрела, верней, в предбаннике. Там под лавкой твой крестик, поди, и лежит. Скорей всего, гайтан-то оборвался, когда ты одевалась после мытья, а ты и не заметила.

– Откуда тебе знать?! – сказала мать, встрепенувшись.

– Так негде ему больше быть, негде.

Матушка побежала в огород, где стояла наша баня, и через пару минут вернулась с крестиком в руке.

– Ну, Максимка, догадчик ты, да и только! – воскликнула она на радостях.

Сменив гайтан, мать водрузила крестик на грудь, заправив его под кофточку, и в качестве награды вручила мне шоколадку, сохранившуюся от Рождества.

А я сам удивился своим провидческим словам. Потому как и вправду хотел только пощутить. Из-за пустоголовости своей, по тогдашнему моему представлению.

Об этом случае мать рассказала отцу, и всё на радостях, с восклицаниями, какой я молодец. Он же в ответ на её ликование только с деланным глубокомыслием покачивал головой да прицокивал.

Вспомнилось и апрельское обстоятельство, когда подсыхать уже стало в полях. Не сегодня-завтра надо бороновать и сеять, а солярки в нашей заправочной цистерне было, кот наплакал – на половину работ не хватало.

Отец в селе как бы фермером считался, а на мой непросвещённый взгляд, если не иноземному, – просто крестьянствовал, обрабатывая земельный пай, доставшийся нам после развала колхоза. В придачу к нему он брал ещё несколько паёв в аренду у соседних стариков и старушек, расплачиваясь с ними частью урожая – зерном и соломой, которые они использовали для прокорма домашнего скота.

– Что делать, ума не приложу, – плакался мой дорогой Егор Яковлевич. – Денег ни рубля нет, чтобы горючего купить. И занять не у кого, все знакомые фермеры – только голь перекатная.

– Может, у тебя в каком-нибудь загашнике деньжата припрятались? – спросил я, чтобы только поддержать разговор и хоть как-то ободрить папашу.

– У меня один загашник – пустое портмоне! – ответил тогда отец.

– Может, в книжку куда сунул!

– Что я, дурак, что ли, в книжку деньги совать! В книжку положишь – потом забудешь и век не найдёшь.

– Да ты посмотри!

– И смотреть нечего.

– А вон в той книжке по растениеводству, на шкафу, глянь, не лежит ли чего, – не отставал я от родителя.

– Отвяжись! Нет ничего ни в «Растениеводстве», ни ещё где. По-твоему, не знаю я, что ли?! У меня каждый рубль на учёте. Я их все, эти рублики, тысячу раз пересчитываю да прикидываю, как выгодней использовать.

– Говорю тебе, взгляни!

– Вот привязался, неугомонный! Ладно, на, смотри. Может, теперь успокоишься.

Отец снял с верхней полки упомянутую книжицу, раскрыл, а в ней между страницами четыре стотысячные купюры лежат. В те времена на такую сумму можно было шесть двадцативёдерных бочек солярки купить.

– Эх ты! – воскликнул отец. – Как они здесь оказались? Я и не помню, когда их сюда положил. По пьяни, что ли? Ну, Максимка, вовремя ты подсказал. Вот соберём урожай, я тебе новый велосипед куплю.

С добавочными шестью бочками дизтоплива папаша вполне успешно закончил посевную и приступил к уходу за пропашными культурами. Лучше сказать, к уходу в основном приступил я сам, потому как в конце мая начались школьные каникулы и свободного времени, которое можно было использовать для полевых и прочих работ, у меня появилось хоть отбавляй.

Отец же взялся за возведение пристройки к птичнику.

Родители уже несколько лет выращивали бройлерных цыплят и после забоя возили тушки молодняка в Ольмаполь на продажу. И ещё держали яйценосных кур породы граум боран – самых на то время продуктивных.

Моему дорогому Егору Яковлевичу всё мечталось увеличить доходность своего фермерства и выбиться из нужды. Потому, посоветовавшись с матушкой, он решил увеличить куриное поголовье и, соответственно, производство яиц.

По окончании посевной на задах нашего дома среди хозяйственных построек целыми днями раздавались то стук топора и молотка, то вжиканье пилы.

А я с утра до вечера сидел за баранкой в кабине нашего колёсного трактора Т-40 и, как пишется в сельскохозяйственных книжках, «проводил междурядную культивацию» посевов кукурузы и подсолнечника.

Пока едешь так час за часом, о чём только не передумаешь! И о прошлом, и о будущем. И о катастрофическом зимнем приземлении с обрыва Хромушкиной горы тоже.

Этот приземление не прошло бесследно и для моего внешнего вида.

Прежде я крепким таким был, мордастеньким, а как отбил нутро – побледнел, похудел, истончился лицом, под глазами появились огромные синяки. И физически ослабел. Меня стали побарывать даже те мальчишки, кого я, бывало, клал на лопатки одной левой.

Мать ездила со мной в райцентр, город Ольмаполь, к педиатру, и тот, прослушав и простучав мои лёгкие, посоветовал отправить меня в детский санаторий.

– Какой ещё санаторий! – воскликнул отец, узнав о рекомендации. – А в поле кто будет работать?! Я разве один управлюсь? Не-ет, нам не до санаториев. Ничего, вот Максимка побудет среди растений на свежем воздухе и сразу пойдёт на поправку.

Обо всём я думал. Включая школьные уроки. И Геннадия Тихоновича Камраева, случилось, вспоминал, нашего директора, он же преподаватель истории и географии.

Учился я без особого прилежания, с троечки на четвёрочку. А то и на двоечку. Это когда совсем учебники в руки не брал.

Отцу же с матерью недосуг было меня погонять. Их и без того работа задавила – то они в поле спину гнули, то в огороде, то скотиной во дворе занимались. Редко когда спрашивали, мол, уроки сделал? Конечно, сделал, следовал ответ.

Словом, пользовался я родительской слабиной, как хотел. К тому же они нередко и меня к своей работе пристёгивали. И чем взрослее я становился, тем больше приходилось вкалывать. Даже зимой. То помогай отцу трактор или комбайн с сеялками ремонтировать, то иди кур кормить или стойло у коровы чистить, то ещё что.

Геннадий Тихонович не раз меня упрекал:

– Эх, Максимка, опять троечка! Ты же способный мальчик, мог бы учиться и получше.

Спустя месяца два с половиной после того, как я разбился, вызвал он меня к доске рассказывать домашнее задание по истории. О смутном времени по окончании царствования Ивана Грозного.

И надо же такому случиться! Я, вместо того чтобы прямо сказать, что не учил, взял и вышел – словно за руку кто вывел.

– Ну рассказывай, – сказал директор.

А чего рассказывать, если я к учебникам даже не прикасался!

Вздыхнул я, поднял глаза к потолку, и вдруг слова с языка, словно горох, так и посыпались.

Отчеканил я честь по чести про лжецарей и народ этой утонувшей в веках далёкой смуты, а под конец возьми да брякни на весь класс:

– Насчёт же семнадцати миллионов, что вы, Геннадий Тихоныч, на ремонте школы сэкономили и себе в карман положили, не морочьте голову – никто из начальства не узнает! Да и школу нашу через год всё равно закроют. Мишка Шабалин в ней зерно будет хранить.

Мишка Шабалин – самый удачливый фермер в нашем селе, не чета моему папаше, который концы с концами еле сводил.

Директор при упоминании прикарманенных денег прямо таки позеленел и чуть со стула не свалился.

– Журавский, ты что себе позволяешь?!

А я и сам не понял, как из меня такая лажа попёрла. Да и откуда мне было узнать о наворованном?! Получалось, что я словно в директорскую черепную коробку залез и постигнул, что в ней таится.

Вечером Геннадий Тихонович пришёл к нам домой и рассказал о случившемся моему отцу.

– Меры будут приняты, – выдал из себя помрачневший отец.

– Я честный человек! – заявил директор.

– Знаю, Тихоныч, знаю. Только моему дурачку, к сожалению, не ведомо, что честней тебя во всей округе никого не сыскать.

В тот момент я находился в своей соседней закуточной комнате и весь их разговор слышал досконально.

Чтобы сгладить возникшую неловкость, отец водрузил на стол бутылку самогонки, простенькую закуску, и пошла-поехала у них выпивоновка.

Они были старинными друзьями, вместе росли, вместе на танцульки в клуб соседнего села шастали. Только после окончания школы их стёжки-дорожки разошлись. Отца взяли в армию, в танковые войска, в которых он три года прослужил механиком-водителем, а Геннадий Тихонович поступил в пединститут.

– Эти семнадцать миллионов я просто не оформил, как следует, – сказал директор за рюмкой. – А сколько раз приходилось ездить в Ольмаполь на своей машинёшке, чтобы договориться с кем надо о ремонте школьного здания! Одного бензина сколько было израсходовано! А оштукатуривание и покраска классов! Считаю, я один всё сделал. С конца июня до сентября крутился, словно белка в колесе.

Когда мы с отцом остались наедине, он внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Слышал, что Тихоныч гутарил?

– Слышал.

– Ты вот что, за языком-то следи, иначе большую беду на себя накличешь – не сегодня, так завтра. И нам с матерью проблем добавишь. Понял?

– Угу, – ответил я.

– И вообще, думать надо, что гоже, а что негоже говорить людям, особенно взрослым – понравится им это или нет. Зачем портить настроение человеку, кем бы он ни был!

Отец уже догадывался, что я могу читать мысли других людей, узнавать их скрытые деяния и обладаю иными способностями, недоступными ни лично ему, ни кому-либо ещё на селе.

Эту догадку его особенно укрепило событие, случившееся дня за три до конфуза с директором.

В то утро мои родители собрались в Ольмаполь с партией куриных яиц.

Вроде, ничего такого – поездка из разряда обычных, выполняемых регулярно по два-три раза на неделе.

Только я отцу говорю:

– Будешь подъезжать к Лашманному мосту, сбрось скорость. Километров до пяти. Очень тебя прошу.

Лашманный деревянный мост был построен, наверное, ещё сто лет назад через речку Агапку, что на полпути между нашим Чукалином и Ольмаполем. Длинной метров семьдесят, с ограждением в виде плах, положенных по обоим краям моста по всей его длине.

– Зачем её сбрасывать? – спросил отец. Он любил прокатиться с ветерком. – Так мы и к вечеру до Ольмаполя не доедем.

– Не знаю пока зачем, – ответил я, – только обязательно скорость надо убавить. Слышишь, обязательно! Не пожалеешь.

Ничего больше не сказал родитель, а лишь внимательней обычного взглянул на меня.

Перед тем самым мостом он, вспомнив мои слова, и правда взял да убавил газ и поехал по деревянному настилу со скоростью движения пешехода. И надо же, на середине центрального пролёта у «Газели», на которой они ехали, возьми и лопни правая передняя камера! Машину повело в сторону, но отец успел затормозить у самого ограждения, когда спустившее колесо уже упёрлось в оградительную плаху.

Выехав на противоположный берег, отец поставил вместо неисправного колеса запаску и спокойно поехал дальше.

Замечу кстати, что берега у Агапки высокие, крутые, и настил моста над уровнем воды метра четыре был. За месяц до этого Лёшка Бараев, наш сельский мужик, с него на самосвале кувыркнулся. Машина вошла в воду вверх колёсами, а Лёшка... Он как был в кабине, так в ней и остался, не успел выпрыгнуть. И причиной той аварии, по всей вероятности, тоже была лопнувшая колёсная камера.

Велосипед же отец мне не купил. Лето выдалось на редкость жаркое, засушливое, и урожай мы собрали меньше, чем посеяли. Денег у нас было с гулькин нос, и, всё понимая, о велике я даже не заикался.

Выгорели не только посевы, но и травы на лугах и разных неудобьях, где в прежние года можно было с косой пройти и травы на сено надыбать. Из-за бескормицы сельчане немалую часть скотины, в том числе предназначенной на племя, осенью пустили под нож и по дешёвке распродали на городских рынках.

Глава третья. «Таверна Кэт»

В самом конце лета приснилась мне тётя Роза Иванеева. Это была матушкина двоюродная сестра, одинокая разведённая женщина, проживавшая в уже упомянутом Ольмаполе, от которого до нашего села было тридцать километров.

С родителями моими тётюшка не шибко дружила и давала знать им о себе лишь редкими почтовыми открытками с несколькими, почти одними и теми же сухими словами. Но ко мне, хоть и встречались мы пять раз всего, она относилась более чем благосклонно. Видимо, предчувствуя, какую пользу я принесу ей в самом недалёком будущем. А может, из-за нашей с ней душевной похожести.

И вот привиделось мне во сне, будто тётя Роза настойчиво зовёт меня в гости. Прямо так и заявила:

– Непременно приезжай, Максимка, жду!

Смотрит она, а чёрные глаза её весёлые такие, радостные.

– Так у меня денег нет, чтобы приехать, – помнится, ответил я ей. – И отец работать заставляет. Мы сейчас просо убираем на зерно. Просо только немного и уродилось. Потому как самая жаростойкая культура. Все остальные посевы выгорели из-за засухи.

– Передай отцу, – сказала тётя Роза, – что я велела отпустить тебя. Ещё неделя, и кончена ваша уборка – один как-нибудь перебьётся. Ишь, нашёлся эксплуататор, парня круглый год работой загружать! А деньги я тебе пришлю.

И действительно, через несколько дней денежный перевод пришёл. С приглашением в гости и припиской поездку не откладывать. Отец скривился в ответ на мою просьбу, выругался по поводу денежек свояченицы, но, недолго подумав, согласился.

Первым же автобусом, проходившим мимо села, я отправился в Ольмаполь.

Тётя Роза проживала в заезжем доме, на первом этаже которого располагалось увеселительное заведение под названием «Таверна Кэт». Она являлась владелицей этого сравнительно небольшого хозяйства, доставшегося ей по наследству от родимого батюшки Глеба Львовича Иванеева.

Глеб этот дом выиграл в карты у одного местного коммерса с бандитскими замашками, после того как предварительно полностью очистил его карманы посредством игры в покер или очко, не помню уж точно название картёжного дела.

Но недолго господин Иванеев пользовался свалившимся на него богатством. Не прошло и месяца, как ненастной холодной ночью попал он под колёса автомобиля.

В тот момент искусный мастер только что вышел из ресторана, где проводил время в компании друзей, также имевших отношение к картёжному поприщу. Вышел и поднял руку, чтобы остановить такси. Однако автомобиль не остановился, а повернул прямо на него, резко увеличив скорость. Таксомотор скрылся в ночи, Глеб же Львович остался лежать на тротуаре; грудь его была раздавлена.

Автомобиль, на котором было совершено преступление, так потом и не нашли. Свидетелей происшествия, кроме ресторанного швейцара, не оказалось, ночь, повторяю, выдалась ветреная, дождливая, струи ниспадавшей небесной воды застилали всё пространство улицы, и человек в дверях не разглядел ни марки, ни номера авто; про цвет кузова и то не мог сказать ничего определённого.

Поговаривали, однако, что дело с наездом не обошлось без того коммерса, которого обыграл Иванеев. Только у следствия никаких доказательств не было.

Ну а достояние в виде заезжего дома и довольно крупной денежной суммы на банковских счетах перешло единственной дочери господина Иванеева.

Эту историю Роза Глебовна поведала мне почти сразу, как только я оказался под крышей её заезжего дома.

Внимательно вслушиваясь в каждое слово рассказчицы, я внутренним зрением увидел и одинокого человека, прикрывшегося зонтом от дождя, и автомобиль, направленный на него. Даже запах мокрых листьев на деревьях, произраставших под окнами ресторана, кажется, почувствовался. Слышен был и шум водяных откосных струй, падавших с небес, и визг покрышек такси, мчавшегося с бешеным ускорением.

В самый момент наезда сверкнула молния, осветившая лицо человека за рулём. Жёсткий неумолимый взгляд из-под кепки, надвинутой на глаза. Кончик большого крючковатого носа, почти касавшегося плотно сжатых губ. А выше бампера – отчётливый регистрационный номер машины: ВЛ 646.

Вспомнив отцовы слова, что иногда полезно и помолчать, я ничего не сказал о представившейся страшной картине. Да и зачем было ещё больше расстраивать тётю Розу? Она и так во время своего рассказа заметно погрузнела.

Тётушка же, излив печаль, вздохнула и сказала:

– Ладно, прошлое не исправишь. Давай-ка мы с тобой лучше чайку попьём. Для начала. А через часок покушаем, как следует.

Она усадила меня за стол и угостила чаем с заварным пирожным и другими вкусностями. Сама же села напротив и тоже выпила чашечку, только без сахара. И ничем не закусывая. Чтобы не испортить фигуру.

По окончании этой короткой трапезы Роза Глебовна провела меня по обоим этажам дома, показывая каждое помещение и каждый жилой номер, за исключением двух, занятых постояльцами.

– Знаешь, Максимка, – сказала она по завершении обхода, – детей у меня нет, других родственников, кроме вашей семьи, тоже нема. Поэтому таверну я хочу завещать тебе. Чтобы ты, как вырастешь, войдёшь в разум, стал её владельцем и продолжил мой бизнес.

– Да ладно вам, тётя Роза, – ответил я без какого-либо промедления и обдумывания её слов. – Вы ещё молодая, и у вас самой появятся дети – мальчик и девочка.

Про детей не знаю уж, как у меня сорвалось. Сразу вспомнилось предостережение отца не болтать лишнего, но отыгрывать назад было поздно.

– Не говори попусту, племянничек, – сказала тётя, вздыхая. – Врачи давно сказали, что не будет у меня детей. Вот и Андрей расстался со мной, ушёл к другой, из-за того что неродиха я. Десять лет вместе прожили, и всё попусту. Ребёночка уж очень хотелось ему своего, а со мной, бесплодной, чего ждать?

Андрей – бывший её муж, инженер местной кондитерской фабрики, после развода сошёлся с тётя-Розиной лучшей подругой, и та ровно через девять месяцев родила ему сыночка. И этот факт особенно болезненно подчеркнул тётюшкину физическую ущербность.

– Будут у вас дети, тётя Роза, точно вам говорю!

– Почём тебе знать, Максимка?

– Да вот знаю.

– По-твоему выходит, что я снова замуж выйду?

Тётя Роза плутовато улыбнулась, и лицо её, и без того выражавшее ласковость, ещё больше подобрело. Разговор о детях и повторном замужестве, несомненно, доставлял ей немалое удовольствие.

– Выйдете.

– За кого же?

– Пока не определено.

– Ах ты, балаболка эдакий! Раньше ты был более сдержанным на язык.

Хозяйка таверны предоставила мне комнату на первом этаже между кухней и жилплощадью, которую занимала лично. Это было помещение примерно шестнадцать квадратных метров, с диваном, столом, табуреткой и двумя старыми креслами. Единственное окно выходило во двор, окружённый разными хозяйственными постройками – аккуратными, свежепокрашенными, выполненными в стиле ретро под начало двадцатого века.

Выделенная камора казалась мне царской палатой, так в ней было просторно и уютно по сравнению с закутком два метра на три, в котором я ютился в нашем чукалинском доме. Спустя год, когда наша семья силою обстоятельств перебралась в Ольмаполь, эта комната так за мной и закрепилась.

Посидев на диване и в обоих креслах и таким манером основавшись в предоставленном мне апартаменте, я взялся за приготовление рыболовных снастей и занимался ими до вечера.

На исходе ночи, при первых лучах зари, я встал с постели и отправился к реке Ольме, к знакомому по прежним рыбалкам заливу, метров на двести врезавшемуся в сушу, недалеко от посёлка Тихоновка, ольмапольского пригорода.

Едва поплавок коснулся воды, начало клевать. Потяг удилищем – и руки ощутили приятную тяжесть, крившуюся под водой. Ещё усилие, и снасть выкинула на берег довольно крупного окуня.

Глава четвёртая. Камаш, Рыжван и Файзула

Через минуту крючок заглотил ещё один окунь, за ним – ещё.

У меня дыхание занялось при мыслях о полном садке живой шевелящейся рыбы, вручённой тёте Розе! «Ах, Максик, – воскликнет она, – какой ты молодец!»

Радужную картину, однако, нарушили приближающиеся шаги и возмущённый голос:

– Эй ты, чалдон, чего на нашем месте устроился?!

Обернувшись, я увидел позади себя рыжеватого мальчишку моего возраста. В руках у него тоже были удочка и ведро, вероятно, для улова.

– С какой стати оно ваше? – ответил я, нисколько не смутившись. – Ольма-то вон какая большая, всем места хватит. Если хочешь, становись рядом.

– Это место мы прикормили, потому оно наше! – уже более угрожающе сказал мальчик. – Видишь, как здесь утопано? Давай, вали отсюда, а то!..

– А то что?

– Бо-бо будет, вот что!

– Неужели! От кого?

– От меня!

– От тебя?

– Да! Сейчас как тресну!

– Попробуй только тресни!

– И попробую!

– Ох, испугал!

– А, он ещё...

Рыжий устремился ко мне и хотел с разбегу столкнуть меня в воду, однако, словно чувствуя, что именно так и пойдёт, я вовремя подался в сторону. Мальчик же по инерции проскочил мимо и еле удержался на кромке берега.

В этот момент на верху берегового откоса показались ещё двое мальчишек. Один тоже примерно моего возраста, а другой – на год или два старше, крепкий такой, с хорошо развитыми мышцами плечевого пояса, выпиравшими под рубашкой, и на полголовы выше меня. От него веяло уверенностью в себе. С первого взгляда было понятно, что он вожак среди этих удильщиков.

– Рыжван, что тут у тебя? – спросил крепкий, приближаясь.

– Вот, влез на наше место и не хочет уходить, – ответил рыжеватый. – И меня чуть в воду не столкнул.

– Кто чуть не столкнул? – опять спросил старший мальчик, подступая ко мне. – Он что ли?

– Да, Камаш, он.

Камаш – видимо, это было прозвище вожака, а Рыжван – прозвище рыжего – без каких-либо колебаний одной рукой взял меня за грудки, другой же замахнулся – не для удара, а так, чтобы взять на испуг.

И тут, глядя ему в глаза, неожиданно для самого себя я как закричу чуть ли не во весь голос:

– Тебе лучше бежать домой! Люди спят, а газ прёт всюю! Смотри, не опоздай!

Переменившись в лице, Камаш на две или три секунды словно остолбенел. Затем, отпустив меня, сделал шаг назад, повернулся и, выскочив на верх берега, что есть мочи припустил к окраинной улице, застроенной частными домами. Только пятки засверкали!

– Куда ты, Камаш?! – крикнул рыжеватый вдогонку товарищу, но тот лишь отмахнулся на бегу и, кажется, ещё прибавил скорости.

– Что ты ему сказал? – спросил Рыжван, с грозным видом шагнув ко мне.

– Что слышал, – ответил я, снова закидывая удочку в реку. – Вот как он вернётся, сам всё и расскажет.

– Ладно, поглядим. Но если что не так – берегись, он тебе бошку оторвёт. А мы поможем ему.

Оба мальчика, оставшиеся на берегу, насадили на крючки наживку и, встав по обе стороны от меня, тоже закинули удочки.

Если взглянуть со стороны, ситуация вроде бы напряжённая. Тем не менее я сохранял спокойствие духа и как ни в чём не бывало продолжал ловлю.

У меня не переставало клевать. У моих охранников тоже одна поклёвка сменялась другой. Кроме окуней мне попалась пара сорожек, а рыжий мальчик вытащил щуку килограмма на полтора весом. Он сразу повеселел, и, кажется, даже его враждебность ко мне убавилась.

Через полчаса вернулся Камаш. Теперь он не бежал, а шагал размеренно и немного устало. Лицо его было отягощено какими-то раздумьями.

Он сразу направился ко мне, подошёл и громко сказал:

– Спасибо! Благодарю, не знай как! Теперь я твой должник на всю жизнь. Будем друзьями?

– Да, конечно! – с удовольствием ответил я, пожимая протянутую мне шершавую руку.

– Василий! – представился мой новый друг. И добавил не без гордости: – По-другому – Камаш. Это у меня прозвище такое. Потому как фамилия – Камашов.

– Максим, – ответил я. – Но прозвища у меня нет.

– Чалдон он! – со смехом проговорил рыжий мальчик. – Вот какое у него прозвище.

– Всё слышали? – сказал Василий, поворачиваясь к товарищам. – Макс – мой друг, и кто тронет его хоть пальцем, будет иметь дело со мной. Бошку снесу, если что! Всем передайте!

– А что случилось-то, Вась? – спросил Рыжван. – Куда бегал?

Из последующего разговора выяснилось, что его зовут Гриша Калитин, а третьего мальчика – Антошка Файзулин, по кличке Файзула. Долгие годы ещё в моём восприятии они так и были с уменьшительными именами. Только Камаш всегда оставался для меня Василием.

Антошка был смирного характера. Я скоро понял, что друзья нередко использовали его для побегушек и других мелких услуг. Зато с ними ему обеспечивалась защита от других мальчишеских компаний.

По рассказу Василия выходило, что, перед тем как ему пойти на рыбалку, отец, оставаясь в постели, попросил его поставить на одну газовую конфорку кастрюлю с водой для варки каши, а на другую – чайник для кипятка.

– Мать вечером наказала поставить, – шёпотом пояснил он. – Пришла с работы и наказала. Слышишь, Вась? Завтрак, сказала, будет готовить. Да устала она очень. Пусть поспит, я сам сварю – в первый раз, что ли!

Отец потянулся и зевнул, поддаваясь сладкой истоме.

– Подремлю минуту и тоже буду подыматься, – пробормотал он полусонно.

Однако не встал отец, а снова забылся глубоким сном. Заводской кузнец, наворочался он у ковочного молота, не отошёл ещё после вчерашней смены.

Тем временем вода в чайнике закипела, выплеснулась наружу и залила конфорку – огонь потух. Газ быстро начал заполнять кухонное помещение, а из него выходить в другие комнаты, включая спальню, где почивали родители.

Конфорка же, на которой стояла кастрюля, продолжала гореть. В воздухе всё сильнее чувствовался специфический резкий запах. До ЧП оставалось не так уж много, не исключено, что считанные минуты.

Василий, не останавливаясь, с криком влетел на кухню, закрыл газ, поступавший в обе конфорки – горящую и потухшую, и начал распахивать окна. Отец с матерью, полусонные, не сразу и поняли, в чём дело.

– Как ты узнал, что у нас на кухне такое с газовой плитой? – спросил Василий, пройдясь по мне благодарным взглядом.

– Сам не пойму, – ответил я, пожимая плечами. – Просто сорвалось с языка, и всё. После уж, когда ты побежал, мысли меня начали одолевать муторные: неладное, мол, что-то у них, то есть у вас, в доме происходит.

– А, всё равно ничего бы не было! – сказал Гриша.

– Ага, ничего! – возразил Василий. – Как полыхнуло бы, вот тебе и пожар!

– Ладно, всё обошлось, и то хорошо, – вставил своё слово Антошка.

На этом разговор о кухонном происшествии закончился, Василий забросил свою удочку, и рыбалка возобновилась.

По окончании ловли мы все вместе пошли от реки к городу. У первых домов распрощались, и каждый направился в свою сторону. Прежде чем расстаться, я на вечер пригласил новых друзей в гости. Гриша и Антошка отказались, сославшись на дела, а Василий сказал, что, может быть, и придёт.

Не знаю, что меня повело, только я сделал крюк, свернув в один переулок, в другой... Когда в отдалении уже показалась крыша «Таверны Кэт», возле одного из домов раздались налитые злостью неразборчивые крики и на середину проезда выбежал какой-то парень; ростом он был с Василия Камашова и примерно тех же лет, только в плечах поуже. Лицо его было красное, словно распаренное, а на левой щеке отчётливо виднелись бледные следы, явно оставшиеся от оплеухи. Кто-то, похоже, только что знатно отоварил его.

Из распахнутой калитки выскочил мужчина лет сорока.

– Придешь домой, ещё получишь! – с ожесточением крикнул он вдогонку парню, грозя кулаком.

Мне подумалось, что это отец с сыном – очень уж они были похожи. И возрастной разницей соответствовали. В одном из окон дома показалось округлое девчоночье лицо. Расширив глаза, девочка возбуждённо смотрела на зрелище, происходившее на улице и скорее всего являвшееся продолжением событий, случившихся в самом доме.

– Приду, как же, ждите!

– Жрать захочешь, собака, придешь, куда ты денешься!

– Сам ты пёс паршивый! – крикнул в ответ парень. И в свою очередь погрозил кулаком: – У-у, суки! Я как вырасту, всех вас удавлю! Вот увидите! Вы у меня попляшете!

Мужчина покачал головой и захлопнул за собой калитку; раздавшийся деревянный стук приглушил его слова.

Парень же, заметив мой взгляд, вспыхнул новой злобой.

– Чего уставился?! – негодуя воскликнул он, ступая ко мне. – В рожу захотел?

Посчитав за лучшее не отвечать, я отвернулся и прибавил шагу, чтобы поскорей уйти.

Под вечер Камаш пожаловал в нашу таверну, и я познакомил его с тётей Розой.

– О, какой у тебя хороший товарищ появился! – сказала тётушка, оценивая глядя на Василия и сравнивая мою худобу с его ладной спортивной фигурой. – Ты ведь защитишь Максимку в случае чего? – спросила она, трогая меня за плечо и не отрывая взгляда от гостя.

– Обязательно, – сказал мой друг. – Я уже сказал кому надо; пусть только кто тронет Макса, будет иметь дело со мной.

Тётушка ласково потрепала его по голове, провела нас в таверновский зал и, усадив за один из столиков, лично подала нам чай и вкусные-превкусные пирожки с маковой начинкой.

За чаепитием я рассказал Василию о послерыбальном происшествии, свидетелем которого стал.

– Это Шкворень со своим папашей, – презрительно проговорил он.

– Кто такой Шкворень?

– Шурка Терентьев с Марьинской улицы. Та ещё паскуда. У него двое дружков. Мы с ними давно воюем. Одному тебе лучше им не попадаться – могут насовать.

– В смысле?

– Морду могут набить. И карманы обчистить. Но я их всех троих скопом не боюсь.

– А что за девочка в доме Терентьевых?

– Сестра Шкворня. Груня. Отличная девуха. Братец против неё тьфу. Будет случай, познакомлю вас.

Через день я отправился к себе в Чукалино. Василий провожал меня до самой автостанции.

Я зашёл в салон автобуса и устроился на своём сиденье.

– Приезжай ещё! – донёлся голос моего нового друга.

– Обязательно приеду! – крикнул я в приоткрытое окно.

Глава пятая. Разорение и его последствия

Жесточайшая летняя засуха самым неблагоприятным образом отразилась на финансовом положении нашего фермерского хозяйства, сделала нас, по сути, банкротами.

Я уже упоминал, что посевы выгорели, зерна мы намолотили меньше, чем посеяли, из-за чего даже кур на птицеферме и тех кормить стало нечем.

В течение осени и в начале зимы мы избавились от всего поголовья птицы, распродав её на ольмапольских рынках. Молодки ушли живьём, а взрослых несушек и петухов пришлось забивать и пускать через мясные прилавки.

Но это ещё полбеды. На отце висела крупная банковская задолженность, расплачиваться за которую было нечем. Деньги он брал в банке «Ольмазайм» на покупку зерноуборочного комбайна, сеялок с культиватором и ещё чего-то, надобного для полевых работ, надеясь вернуть заём с процентами выручкой от продажи урожая. Время платежей подошло, только рассчитываться было нечем. Банк грозил обратиться к коллекторам, а известно, какими жестокими способами они выколачивают денежки из людей, попавших в финансовую кабалу.

Кончилось, однако, тем, что долги наши выкупил фермер Мишка Шабалин. И в счёт их забрал все поля, которые отец обрабатывал – как арендуемые, так и принадлежавшие непосредственно нашему семейству. А также трактор, грузовую «Газель» и всю сельхозтехнику вместе с комбайном, будь он неладен.

К весне, кроме дома с приусадебным участком, старенького «Жигулёнка» шестой модели, коровы с телёнком и десятка кур, у нас ничего не осталось.

Некоторое время отец ещё хорохорился, говорил, что нам только бы до лета дотянуть, а там он у Никифорыча, своего старого дружбана, тоже фермера из соседнего села, возьмёт в долг десятка два поросят и займётся выращиванием свиней на откорм. С последующей продажей свинины на ольмапольских рынках.

– Два десятка – это для начала, – говорил родимый батюшка, закатывая глаза в новых мечтаниях. – На корм я в Калиновом болоте травы накошу – силос будем готовить. На одной траве, понятно, свиней не вырастишь. Но ничего, картошку ещё посадим – весь усад пустим под неё. Картошечка и пойдёт хрюшатам в качестве добавки. Кроме этого, тут уж ничего не поделаешь, фуражное зерно покупать придётся, потому что без зерна какой откорм?! Ну что же, купим. А потом настоящую свиноферму откроем. Вот и будем торговать. И свежим мясом, и окороками с бужениной. Пока же Матильдушка поможет продержаться.

Корова наша Матильда, и правда, удойная была и меньше полутора вёдер молока в сутки не давала, не считая двухмесячного сухостойного периода, предшествующего отёлу. Тёплое парное молоко я каждое утро и вечер пил – жирное такое, вкусное. Вдосталь было и сметаны, и творога, и сливочного масла.

Излишки продуктов опять же шли на ольмапольские рынки, а на денежки, вырученные от продажи, родители покупали тот минимум необходимых продуктов и вещей, которыми мы в тот скудный период обходились. Словом, бурёнка наша была настоящей кормилицей, без неё мы не знаем, что бы делали.

Так мы просуществовали осень и зиму и стали уже привыкать к новому образу жизни и крайней ограниченности в деньгах.

Отдельным чередом промелькивали, а когда и мучительно тянулись школьные уроки.

Домашние задания я почти не учил. Не было надобности. За исключением письменных работ. А меня часто вызывали к доске.

– Интересно слушать тебя, Максим Журавский, – говорили учителя. – Слово учебник читаешь. Хорошая у тебя память развилась. Берите с него пример, ребята – недавно только, в прошлом году, на одни тройки учился, а сейчас... Садись, Максимка, пять тебе!

Особенно забавными казались мне уроки английского, на котором я научился говорить лучше нашей престарелой англичанки Дэнны Артемьевны Синицыной. Чтобы не обескураживать её, мне специально приходилось допускать грамматические ошибки и коверкать произношение. Но как-то раз, сам не зная зачем, я начал излагать задание на безупречном южном британском диалекте. Учительница широко распахнула глаза и на минуту словно застыла.

– Максим, мне показалось или нет? – спросила она, приходя в себя.

– Что, Дэнна Артемьевна?

– Ну-ка ещё расскажи нам...

Я рассказал. Но с обычными искажениями.

– Значит, всё же показалось, – заключила Дэнна Артемьевна. – Ох, возраст! – Она знала ещё французский и немецкий языки, и я мог бы и на том и другом с ней говорить, и на многих других языках, которые с недавней поры прямо-таки теснились в моём сознании, но зачем лишний раз озадачивать старушку?

Много похвалы было от учителей в мой адрес, до приторности порой. Один лишь Геннадий Тихонович словно не замечал моих достижений, а только внимательно поглядывал на меня, слушая, как я излагаю учебный материал, и время от времени задумчиво покачивал головой.

Как-то раз, когда я закончил рассказывать задание по истории, он говорит:

– Продолжай дальше.

– Следующий параграф?

– Ну да, следующий. Зачем спрашиваешь? Ты же знаешь, что я имею в виду.

Остальные четверо учеников нашего класса только хлопали глазёнками, не понимая, о чём речь.

После уроков директор пригласил меня в свой кабинет, налил в стаканы – мне и себе – чаю, поставил передо мной блюдце с конфетами и сказал:

– Давай, Максим, почаёвничаем да поговорим.

А я уже знал содержание предстоявшего разговора. Он должен был пойти о моём даре улавливать суть мыслительных процессов людей. И проникать в содержание книг, не открывая страниц. Потому как в тот момент опять словно прочитал, о чём думает директор. Но немножко ошибся. Прочитал, да только не всё.

– Давно это у тебя? – спросил Геннадий Тихонович.

– Что именно? – переспросил я.

– Способность угадывать мысли людей. И дословно знать тексты учебников – не заглядывая в сами тексты.

Я сказал когда. «Это» началось примерно спустя шестьдесят дней после злополучного «приземления» с обрыва Хромушкиной горы. Однако о причине, давшей импульс появлению необычного свойства, промолчал.

– Ещё что можешь? – снова спросил директор.

– В смысле?

– В смысле проявления сверхъестественных качеств, недоступных обычным людям.

– Могу наперёд знать, что случится в скором времени. Не всегда и не про всё, но кое-что знаю точно.

– Ну да, ты уже говорил, что нашу школу закроют, – сказал Геннадий Тихонович, не отводя от меня пронизательного взгляда. – Но закрытие это вполне понятное – учеников-то в селе раз-два и обчёлся, а в ближайшие годы и того меньше будет.

– А вы переедете на жительство в Ольмаполь!

Хозяин кабинета удивлённо вскинул брови.

– И что мне предстоит делать там?

– Вот этого пока не могу сказать, не знаю, – ответил я, хотя отчётливо увидел, в каком неблагоприятии окажется мой собеседник в довольно-таки скором времени.

– Или не хочешь говорить?

– Просто не знаю, – более твёрдо сказал я, покривив душой. Лицо моё запылало от прилившей крови.

– Не хочешь говорить, не надо. Только вот что посоветую тебе, Максим. Времена нынче, сам видишь, какие смутные настали. И народ сейчас пошёл о-ёй! Много среди него не совсем нравственно устойчивых и корыстных людишек повылазило. Ты осторожней будь с ясновиденскими высказываниями-то. При себе их держи, не надо рассказывать о своём даре кому попало. А то можно большую беду на себя накликасть.

Почти то же самое, чуть ли не слово в слово, говорил и мой отец.

– В общем, имей в виду, – наставлял Геннадий Тихонович, – что язычок лучше держать на привязи. Понял?

– Да.

– Ну а раз «да», то вернёмся к твоим необычным качествам. На что ещё ты способен?

– Не знаю.

– Гм, опять «не знаю»! А что ты можешь сказать о здоровье окружающих тебя людей?

– Не думал об этом.

– А ты подумай.

– Хорошо.

Думал я не больше полминуты. И выдал:

– У вас проблема с поджелудочной железой.

– Есть такое дело. Но как ты узнал?

– После того как вы упомянули слово «здоровье», о вашей поджелудочной железе я словно вычитал – в пространстве, окружающем вашу голову, в каком-то подобии эфирного облачка. А потом увидел и саму эту штуковину у вас в животе. Она на скобочку этакую похожа. В отличие от остальных органов, поджелудочная железа ваша излучает немножко другую энергию, более низкочастотную, что ли. И ещё она тусклее, мертвенней выглядит.

При этих моих словах Геннадий Тихонович заметно опечалился и с натянутой улыбкой сказал:

– У меня действительно неважно со здоровьем. Прежде всего с поджелудочной. И если совсем откровенно, лучше мне не становится, а скорее наоборот. Всё это наводит на не очень весёлые размышления.

Вспомнилось, как он выпивал с моим отцом. Эх, не надо было ему тогда прикладываться к бутылочке. И вообще лучше держаться от алкоголя подальше.

– Теперь скажи, любезный друг мой, можно ли от этой напасти избавиться? – спросил директор. Он снова попытался улыбнуться, но лишь искажился лицом. – Имею в виду проблему со «скобочкой», как ты говоришь.

– А давайте попробуем что-нибудь сделать, – сказал я, чувствуя, как пучок тусклой энергии в животе больного словно просится в мою ладонь. – Сядьте так, чтобы к вам можно было удобно подойти.

Обогнув стол, я приблизился к «пациенту» и лёгким движением руки как бы закрутил болезненный энергетический пучок, исходивший из его живота, в подобие узелка. Затем без какого-либо усилия отделил его от источника излучения, то есть от поражённой железы, вырвал корень болезни и отбросил его в сторону, где он медленно растворился в комнатном воздушном пространстве. А в заключение округлым движением ладони всё ещё остававшиеся энергетические неровности заровнял.

– Теперь вы здоровы, – авторитетно объявил я директору, не задумываясь над значением своих слов. – Но от алкогольных напитков лучше воздерживаться. Хотя бы некоторое время.

– Мой эскулап уверен, что я выздоровел? – на лице пациента проявился нескрываемый скепсис. – Мнится мне, что ты говоришь это, чтобы только успокоить меня.

– Абсолютно уверен. Не сомневайтесь.

– Если так, то я уже сегодня почувствую всю степень оздоровления, – сказал Геннадий Тихонович, не спуская с меня острого взгляда. – Однако, Максимка, практикой такой тебе пока нельзя заниматься. Вот вырастешь, тогда видно будет.

– Какой практикой?

– Лечить людей подобным образом, с использованием собственных энергетических возможностей.

– Почему?

– Да потому, что ты и без того худенький и бледненький. А сейчас ещё больше побледнел. Видимо, какую-то часть своей энергии ты израсходовал на моё лечение. Её же тебе самому не хватает.

В тот момент я действительно чувствовал себя не лучшим образом и дал себе слово лечебные действия прекратить. Хотя бы до поры до времени.

Директор угостил меня ещё одним стаканом чая с вкусенькой шоколадной конфеткой, и ощущение слабости, возникшее во мне под конец целительского сеанса, постепенно исчезло.

На следующий день после уроков мой «пациент» снова пригласил меня в свой кабинет, где опять же за чаем торжественно и с радостью в голосе объявил, что вчерашнее лечение пошло ему на пользу и что он чувствует себя здоровым человеком.

– Исчезли тошнота, слабость, появился зверский аппетит, – рассказывал хозяин кабинета. – Сегодня утром я впервые за последний год закусил грибами и копчёной рыбой. И маринованными помидорами – тем, что ещё вчера мне было противопоказано и по чему я изрядно истосковался.

– Осторожней с копчёностями, – сказал я ему. – И с маринадами. Не надо рисковать.

– Ничего! – беззаботно ответил Геннадий Тихонович. – Я теперь здоров, как бык. Силы во мне – девать некуда.

Наши чаепития продолжались до конца учебного года. Примерно раз в полторы-две недели. Как правило, по пятницам, уже после уроков. Бывало, увидит меня Геннадий Тихонович, подмигнёт едва заметно и скажет:

– Зайди ко мне в кабинет. Разговор до тебя есть.

А я уже знал, что будет приятный на вкус чай с шоколадными конфетами, обычно из разряда самых дешёвых.

Во время одной из таких чайных церемоний мой старший товарищ и произнёс те заветные фразы, которые во многом определили мою жизнь.

– Максимка, ты талантливый мальчик, – сказал он с некоторым волнением. Должно быть, он заранее готовился к этому разговору. – Но задатки, которые у тебя есть, надо развивать. Иначе они заглохнут и сойдут на нет. И тогда ты станешь обычным, заурядным человеком, способным только тянуть лямку на какой-нибудь работе, дающей кусок хлеба, и не более того.

– Вы имеете в виду – развивать экстрасенсорные способности? – спросил я, уже догадываясь о сути предстоявшего разговора.

– Да, экстрасенсорные, так, кажется, они называются.

– А как развивать их?

– Прежде всего задайся несколькими вопросами.

– Какими?

– Кто ты? Куда идёшь? Зачем идёшь? Словом, определи своё предназначение, своё место в жизни. Уже сегодня. И начинай работать над собой. Для достижения поставленных целей.

– А как работать над собой?

– Ну не знаю. Могу только предполагать. Возможно, ты должен прислушиваться к себе, своим клеткам, анализировать чувства и мысли, владеющие тобой. И больше слушать природу: пение птиц, гомон насекомых, веяние ветра, шелест трав, наблюдать игру света и теней. Хорошо бы ещё заняться чтением специальной литературы о необычных человеческих талантах. Тебе видней – ты же у нас экстрасенс, а не я.

– Допустим, экстрасенс я пока никакой.

– Вот и сделай из «пока никакого» – настоящего, самого сильного в современной человеческой цивилизации. Реализуй полностью то, что дала тебе природа. Только ещё раз говорю: пока не вырастешь, держи свои способности при себе, не показывай их. По сути, ты ещё ребёнок – боюсь, как бы кто не возжелал использовать тебя в своих корыстных целях. Желающих получить выгоду за чужой счёт сегодня более чем достаточно.

Мой старший товарищ разговаривал со мной, как с равным себе. Я же неизменно воспринимал его учителем, наставником. И относился к нему без малейшего панибратства.

Однажды на уроке истории Геннадий Тихонович завёл речь о том, кем мы, ученики, видим себя в будущем.

Нас, сидящих за партами в полупустом классе, было всего пять человек – две девочки и три мальчика.

Обе ученицы сказали, что хотели бы стать врачами и лечить людей, а я сразу постигнул внутренним видением, что медиками им не бывать. Из-за отсутствия денег у родителей – на взятку, без которой в медицинский институт поступить было невозможно. Что одна из них, Дина Вихляева, устроится официанткой в ольмапольском кафе, но и там долго не продержится и вынуждена будет работать дворничихой. Вторая же, Рита Иванова, обречена долгими годами горбатиться с тяпкой на овощных плантациях Шабалиных. Хотя позже в её жизни пойдёт широкая светлая полоса; какая – я в тот момент не понял.

Из мальчиков Венка, сын Михаила Шабалина, заявил, что станет бизнесменом, другой, Пашка Гуркин, – лётчиком. И в самом деле, Венка пригрелся мне преуспевающим коммерсом – в не таком уж далёком будущем. Пашке же не видать было неба, как своих ушей, и Венка возьмёт его к себе телохранителем.

– А ты, Максим, кем хотел бы стать? – спросил под конец Геннадий Тихонович.

– Не знаю, ещё не определился, – ответил я, встав за партой.

Я не лукавил – личное моё будущее было словно в тумане. Но чего точно мне не хотелось, так это крестьянствовать, как мой отец, то есть чуть ли не круглыми сутками гнуть спину, чтобы обеспечить себя куском хлеба, пусть даже и с маслом. И никакая другая специализация тоже не казалась мне привлекательной. Лучше, считал я, находиться как бы в стороне от человеческого сообщества и только наблюдать, что в нём происходит. И за тем, что совершается во всех остальных мирах – животном, растительном, энергетическом, в микро- и макрокосмосе.

Уже когда мы остались наедине, Геннадий Тихонович спросил меня о сбыточности намерений нашего класса. Я рассказал всё как есть, в том числе и о себе.

– И ты собираешься всю жизнь оставаться сторонним наблюдателем? – спросил он с некоторой долей недоумения и осуждения. – Видеть, как люди страдают, горе мыкают, и кайфовать при этом?!

– Я не говорил про кайф. Просто в стороне мне было бы удобней. И желательней.

– Гм, желательней! А я вот что скажу: если у тебя появится возможность лицезреть общество извне, значит, будет и ресурс воздействовать на него.

– Как воздействовать?

– Хотя бы оказанием помощи попавшим в беду! И ещё. В любом случае, находясь вне или внутри человечества, ты всё равно будешь пользоваться произведёнными им продуктами и услугами. Которые надо оплачивать личным вкладом. Прежде всего вкладом в его развитие и облагораживание.

Директор серьёзно относился к нашему разговору и изначально старался задать моему будущему праведное направление.

Если откровенно, насчёт помощи людям мне прежде и в голову не приходило.

Только силёнок для этого у пацанёнка, каковым я в ту пору являлся, было, конечно, маловато. Всё ещё давали знать о себе травмы, полученные при падении с высоты. Я оставался худым и бледным и часто подкашливал, фигура была карикатурой на богатырскую.

Помимо экстрасенсорных способностей надо было развивать и физические данные. Однако с чего начинать и как это лучше делать, для меня оставалось тёмным лесом.

Глава шестая. Переселение

Весной, в мае, до нас донеслась нехорошая весть, что школу нашу закрывают. Как недостаточно укомплектованную. И что чукалинских учеников будут за восемнадцать километров возить на автобусе в среднюю общеобразовательную школу села Туркановка.

Мой треп на уроке истории по поводу закрытия оказался провидческим.

– Это будет не учёба, – сказал отец, узнав о нововведении. – За восемнадцать вёрст на автобусе, которому сто лет в обед и который по два раза на дню ломается! С лысыми покрышками и по нашим дорогам! Да ещё через Усманку, на которой каждое половодье мост сносит!

Усманка – это наша речка с деревянным мостом через неё. Летом – тихая, шириной не больше десяти метров. Но весной, при дружном таянии снегов, она становилась такой многоводной и бурной, что сносила все мосты и переходы. И после половодья на местах снесённого приходилось всё восстанавливать заново.

– Пока мост построят, – продолжал отец, – ещё две, а то и три недели учёбы долой! Этак совсем неграмотным можно остаться. А я хочу, чтобы мой сын нормальное образование получил, не хуже, чем у других! Лучше уж в Ольмаполе учиться, пусть и за тридцать километров. Туда хоть автобусы регулярно ходят.

Может, отец пошумел бы так, пошумел да со временем и смирился с очередным неблагополучием. И учиться бы мне в чужой неприветной Туркановке. Только новость о закрытии Чукалинской школы дошла и до тёти Розы. Недолго думая, она позвонила нам и предложила отцу переехать в Ольмаполь. На постоянное жительство.

– У меня как раз Спиридонич, шофёр наш, на пенсию ушёл, – сказала тётя Роза. – Заступишь на его место. Обещаю – зарплатой не обижу.

Спиридонич в «Таверне Кэт» не только баранку крутил, а ещё по мере надобности выполнял обязанности электрика, сантехника, плотника и грузчика. Но мой отец тоже был на все руки мастер, тётя Роза знала это не понаслышке. Заезжая в таверну, не раз помогал он что-нибудь исправить или сделать заново. И всё у него получалось быстро и ладно.

– И для Любани местечко найдётся, – убеждала тётушка. – Нам, вот, горничная ещё одна нужна. К тому же у меня в планах строительство второго гостиничного крыла. Да что в планах! Я уже землю под застройку купила. Сам понимаешь – работы на годы вперёд. А состарюсь, Максимка моё место займёт, он вместо меня хозяйствовать станет.

– Эх, какая ты быстрая! – ответил отец. – Бросить хозяйство, дом, в котором, считай, всю жизнь прожили, это тебе не хухры-мухры.

– Да какое хозяйство! Ты уж разорился, считай. У тебя, кроме своих рабочих рук да здоровья, на котором твоё огородное предпринимательство держится, ничего не осталось.

– Всё равно надо подумать.

– Думай, только недолго. Мне надо решение принимать: или вы будете со мной работать, или со стороны кого-то придётся нанимать.

Вечером собрались мы втроем за столом, и отец дословно изложил тётушкино предложение.

– Что скажешь, Любаш? – спросил он, откинувшись на спинку стула и подпирая голову рукой.

– Не знаю, что и ответить, – ответила мать с нерадостной улыбкой. – Страшно как-то срываться с обжитого места. И куда – в город! Это нам-то, сельским!.. Ой, нет, молчу, за тобой последнее слово.

– А что Максимка насчёт переезда скажет? – спросил отец, поворачиваясь ко мне.

– К тётке Розе – самое лучшее, что только можно придумать, – ответил я без тени сомнения. – И школа там – пять минут ходьбы от «Таверны Кэт». Разве сравнить с расстоянием до Туркановки!

Ещё мне подумалось о Камаше. Такого друга ни в Чукалине, ни где-либо ещё у меня никогда не было. Смелый, не знающий страха. С ним хоть куда! И Рыжван с Файзулой ребята – лучше не найти. Жалко только было расставаться с Геннадием Тихоновичем. Очень уж по душе мне были наши разговоры за чаепитием – на равных. И просто человеком он хорошим казался. Но с ним так и так наши дорожки бы разошлись, коль Чукалинскую школу под закрытие определили.

– Тогда договорились, переезжаем! – категорично, словно отрезал, сказал отец. И тут же позвонил тётке Розе.

Мы и огород перестали засаживать. Скоро, за несколько дней, распродали всю имевшуюся на то время скотину и с немногочисленным скарбом, оставив добрую половину вещей, подались в Ольмаполь. На постоянное жительство.

В то лето из Чукалина ещё восемь семей уехали. Всё из-за того же закрытия школы. Кто в Ольмаполь, а кто на дальнюю сторону к родне или хорошим друзьям.

За последующие несколько лет половина чукалинцев свои дома оставили, в основном молодые, трудоспособного возраста. В пустеющем селе не стало клуба, почты, медпункта. Пожарную команду и ту расформировали. И даже администрацию ликвидировали. Чукалино же перевели в ведение власти села Усиленного, расположенного в нескольких километрах.

Взамен упразднённых учреждений одна лишь небольшая беленькая церковка появилась. Да и та постоянно на висячий замок запертой была. За исключением воскресных дней, когда в неё приходили помолиться десятка полтора местных бабулек.

Мои родители свой дом хоть за треть цены, да продали, а большинство, которые уже после нас уезжали, позаколачивали окна и с тем отправились на сторону. Только одинокие старики остались в селе да несколько наиболее разворотливых фермеров вроде Мишки Шабалина.

Отец с матерью заняли один из номеров «Таверны Кэт», предназначенных для постояльцев. Но они недолго в нём прожили. Уже через недели полторы после переезда родители присмотрели продажный дом с приусадебным участком в посёлке Тихоновка, пригороде Ольмаполя, на улице Красной, километрах в двух от таверны, и, немного поторговавшись, купили его. Точнее будет сказать, домишко жилой площадью тридцать шесть квадратных метров.

Иногда я у родителей ночевал, но обычно – в тётки-Розиной гостинице.

Тётушка выделила мне прежнюю комнату, в которую я вселился, словно в родную обитель.

Разложив по местам своё немудрёное имущество, я позвонил Василию Камашову, и мы встретились в условленном месте на берегу Ольмы.

Василий явился вместе с Гришей Калитиным и Антошкой Файзулиным. Поздоровавшись и обсудив ситуацию с переездом нашей семьи в город, мы разделись, зашли в воду и поплыли наперегонки; оговоренную дистанцию я прошёл последним.

– Тебе подкачаться надо, – сказал Василий, когда мы вылезли на берег. – Посмотри на себя, какой ты дохлый.

– Надо бы, – ответил я, легонько вздохнув. И подумал, что о причинах моего не совсем здорового вида им знать ни к чему.

– Устрой себе турник, купи пару эспандеров, гантели и начинай тренироваться.

– Так и сделаю, – с готовностью ответил я. – Обязательно, – мне хотелось быть достойным новых друзей и физически, и стойкостью характера.

Метрах в пятистах от берега, ближе к фарватеру, по которому проходили речные суда, виднелась резиновая лодка с одиноким неподвижным рыбаком. Вдруг рыбак встрепенулся и, быстро перебирая руками, начал что-то доставать из воды.

– Закидушку вытягивает, – уверенно определил Василий.

– Точно, закидушку, – поддакнул Гриша. – Что-то, видать, попалось.

Зрение у меня было острое, и я тоже разглядел и тонкую бечеву рыболовной снасти, и большую рыбину, показавшуюся из воды.

– Сазана вытащил, – сказал Василий. – Вон как на солнце засверкал. С метр в длину будет. И весом килограммов на тридцать.

– Нам бы такую лодку, – сказал Гриша. Он почесал затылок. – Вот бы уж половили!

– Где её возьмёшь, – несколько отстранённо проговорил Василий. – Резиновая лодка хороших денег стоит. Ни у меня, ни у тебя их нет, – он сунул руку в боковой карман штанов и достал двухрублёвую монетку. – На два рубля лодку не купишь. Может, Чалдон нам денег одолжит?

Он бросил на меня улыбчивый взгляд.

С Гришиной подачи ольмапольские мальчишки стали называть меня Чалдоном ещё в прошлый мой приезд, со дня нашего знакомства.

– Сейчас в моих карманах ни гроша, – спокойно ответил я. И тут же, сам не зная почему, добавил: – Но очень может быть, денежки у меня появятся. Уже к вечеру.

– Откуда они у тебя появятся? – недоверчиво сказал Василий. – Брешешь ты, Максимка. Сам только что говорил – засуха вас разорила.

– А ему Роза Глебовна денег даст, – сказал Гриша, улыбаясь во весь рот. – Она у него богатая.

– Никто просто так мне денег не даст, – продолжал я гнуть своё. – Только говорю, нужную наличку я заработаю.

– Прямо на целую лодку?

– На целую!

– Да ты знаешь, сколько она стоит?!

– Не важно, сколько, чую только, сумею заработать.

– Как? С твоими мускулами?! – стоял на своём Гриша. Он имел в виду физический труд.

– Я, Рыжван, не мускулами, а головой работать буду, точнее – своим подсознанием.

– Как это – подсознанием?

– А так, тебе не понять.

– Врёшь ты всё!

– Ничего не вру!

Наш довольно долгий запалистый разговор Василий слушал молча. И лишь под конец сказал:

– Максимка, знаешь что, треп гнать иногда можно, но только за свои слова отвечать придётся.

– Отвечу! Уже к вечеру деньги на лодку появятся. Самое позднее – завтра.

– Ну ты и болтун, – сказал Гриша, снова расплываясь в скептической улыбке. – Таких, как ты...

– Молчи! – оборвал его Василий. И повернулся ко мне. – Это всерьёз насчёт лодки, не травмишь?

– Ладно, Камаш, я пошёл, – сказал я, напуская на себя глубокомысленный вид.

– Куда?

– Узнать о деньгах.

И я отправился к «Таверне Кэт». Ответ на вопрос о денежках можно было получить лишь в заезжем доме, и нигде больше.

Однако, очутившись в стенах заведения, я растерялся. Зачем было плести о деньгах? Где я их возьму? Что подумают обо мне Камаш, Рыжван и Файзула, когда мои обещания так и останутся пустой болтовнёй? И как после этого сложатся наши отношения?

Снедаемый тягостными мыслями, я поднялся на чердак и присел на одну из поперечных балок.

Не знаю, сколько времени прошло, но только моё внимание как бы исподволь привлёк странный более тёмный флёр в дальнем конце чердака, клубившийся в виде невысокого округлого облачка, – он словно родился из ничего и теперь покачивался на тонкой призрачной ножке, оставаясь на одном месте.

Не отводя от него глаз, я встал, прошёл вдоль левой стороны кровельного навеса, опустился в конце чердака на колени, осмотрелся и заглянул под левую же стропильную ногу. Там оказалась удлинённая выемка. В начале выемки было пусто, но я просунул руку дальше, глубже, и пальцы нащупали замотанный в тряпицу какой-то тяжёленький предмет с прямоугольными формами.

Сердце моё дрогнуло в предвкушении чего-то чрезвычайно необычного.

Вытащив находку, я прошёл к чердачному оконцу, снова присел на лежавший рядом деревянный обломок и начал разматывать частично сопревшие от времени тканевые слои.

Под тканью оказалась жестяная коробка «Монпансье». Размерами примерно четыре на двенадцать и восемнадцать сантиметров.

Дыхание затаилось; я поддел ногтем валикообразный окаёмок крышки, потянул вверх, ещё потянул, крышка поддалась, и... моему взору предстало содержимое коробки: кольца, брошки, серёжки, цепочки. Всё из жёлтого переливающегося металла, наверное, золота. Много украшено изумрудными и рубиновыми камешками.

Собственно, лично для меня найденные побрякушки ничего не значили, а вот для многих других людей!.. Несомненно, эти штучки стоили немалых денег. Вспомнилась встреча с ольмапольскими товарищами на берегу реки и обещание найти нужную сумму для приобретения резиновой лодки!

Закрыв коробку, я замотал её в ту же тряпицу, спустился с чердака, разыскал тётю Розу и попросил пройти со мной в комнаты, которые она занимала.

– Что-то случилось, мой мальчик? – спросила тётушка.

– Секретный разговор, – ответил я со значением. – Секретный и, возможно, с очень серьёзными последствиями.

– Ну раз с серьёзными, тогда пошли.

Оказавшись в апартаментах Розы Глебовны, я попросил её запереть дверь на ключ и, когда она, милостиво улыбаясь, выполнила мою просьбу, вынул из-за пазухи коробку, поставил её на стол и, размотав тряпицу, открыл крышку.

Тётушка замерла, околдованная золотым и прочим блеском, исходившим от грудки украшений.

– Где ты взял эту бонбоньерку? – спросила она немного спустя.

– Нашёл.

– Где нашёл?

– На чердаке, под стропилом. Случайно.

После довольно продолжительного созерцания драгоценностей тётя Роза аккуратно, одну за другой, достала их и коротенькими рядочками разложила на столешнице. Колечки в один рядок, серёжки – в другой, цепочки – в третий и так далее.

Кончилось тем, что она снова сложила украшения в жестяную ёмкость. За исключением броши в виде бабочки, инкрустированной сапфировыми камешками.

– У меня есть один хороший приятель, – сказала тётушка. Лицо её пылало от возбуждения. – Он ювелир. Эту брошь я покажу ему. А бонбоньерку мы пока определим сюда.

Она поместила жестяную коробку в небольшой стальной сейф, вмурованный в стену, и закрыла на ключ с применением только ей известного кода.

– О нашей находке никому ни слова, – сказала тётя Роза, пронизательно глядя на меня. – Ни отцу, ни матери – ни одной живой душе. Понял?

– Так точно!

– Этот клад находился в моём доме, выходит, по закону он принадлежит мне и только мне, и делиться им ни с кем не следует. Ни с государством, ни с кем-либо ещё. Давай помалкивать. Иначе могут найтись охотники за чужим добром.

Роза Глебовна могла бы и не объяснять необходимость сохранения нашей тайны. Я был уже не маленький и всё прекрасно понимал.

Хозяйка таверны немного скептически взглянула на меня и тут же, всплеснув руками, схватилась за голову.

– Ой, что это я! – воскликнула она. – Помрачение ума, что ли, началось?! Надо же, что сморозила: мне и только мне принадлежит! Ах, какая ушлая нашлась, ах, какая! Нет, этот клад, Максимка, теперь наша общая собственность. И мы должны разделить его пополам. По существующему закону. Или как-то иначе, но по обоюдному согласию.

– Мне ничего не надо, – сказал я, смущённый наплывом горячих тётушкиных чувств. – Все украшения – ваши.

– Ну уж нет! – воскликнула моя дорогая родственница. – Ни за что! Сколько-то и тебе перепадёт. И поверь – в достаточной мере.

В тот же день тётушка побывала у своего ювелира, и он купил у неё упомянутую выше брошь. За весьма значительную сумму.

Глава седьмая. Рыбаки

Вернувшись от ювелира, тётя Роза вновь привела меня в свои комнаты, сказала, за сколько продала золотое украшение, и спросила, что бы я хотел получить в качестве награды за найденный клад.

Я без утайки рассказал о моей с друзьями мечте купить надувную резиновую лодку.

– Хорошо, – сказала тётя Роза. – Вот деньги. Покупайте своё плавсредство. А это тебе сверху. На рыболовные снасти. За то, что ты такой замечательный мальчик – честный и много на что способный.

И она вручила мне ещё почти столько же, сколько выделила на лодку.

Когда я уже взялся за ручку двери, тётюшка остановила меня.

– Вас ведь четверо, – сказала она. – Не тесновато в резиновой лодочке будет?

– Так лодки-то разных размеров бывают. Хоть на четверых, хоть на пятерых. Купим такую, чтобы всем поместиться.

– Ладно, иди. Если не будет хватать, ещё добавлю. Но не роскошествуй – не злоупотребляй моим расположением!

Позвонив Василию, я сообщил насчёт денег.

– Можно идти покупать.

– Ух ты, вот молодчага! – послышалось в ответ. – Сказал – сделал! Своё слово держишь. Ладно, сейчас уже поздно, все магазины, кроме продуктовых, закрыты. Собираемся завтра утром у «Белого теплохода». Там самый большой выбор. Рыжвана и Файзулу я предупрежу.

«Белым теплоходом» назывался магазин, где продавали разные рыболовные снасти, а также спортивные и туристические товары.

Тёти-Розиных денег хватило на пятиместную «Чайку» – лодка так называлась – и на спиннинг для меня.

Из магазина мы сразу же направились к Ольме. Накачали насосом надувные секции, спустили «Чайку» на воду и разместились, кому как понравилось.

Хорошо, что купили пятиместную лодку. Немалая длина и ширина нашего плавсредства позволяла располагаться с полным комфортом.

Василий сел на вёсла, Гриша разлёгся на заднем сиденье, закинув ногу на ногу, Антошка расположился возле него на днище, а я устроился на самом носу.

Сначала мы взяли было курс туда, где чаще всего виднелись лодочки рыбаков и где, по мнению моих товарищей, мог быть самый хороший клёв. Но я предложил ехать дальше, к противоположному берегу.

– Зачем? – недоумённо спросил Гриша. – Откуда тебе знать, в каких местах рыба водится?

– Мне кажется, там больше повезёт.

– Камаш, слышишь, что он говорит?!

– Слышу! Давайте туда, куда Чалдон покажет.

Мы пересекли фарватер, по которому ходили крупные речные суда, и остановились метрах в трёхстах за ним.

Водный участок для ловли был выбран удачней некуда. К полудню на куканах у нас уже были четыре крупные щуки, три судака, тоже не маленьких, два жереха, два сазана килограммов на семь каждый и ещё десятка полтора рыбёшек помельче.

Наш командир предложил сделать так: по щуке – семействам каждого из нас. Остальную крупную – Розе Глебовне. В знак признательности за денежное обеспечение. А из мелкой рыбёшки сварить уху для нашей рыбацкой артели. Прямо на берегу Ольмы.

Так и сделали. Мои товарищи пошли разносить рыбу по адресам, а я остался собирать хворост и разводить костёр.

Уха получилась на удивление. Мы съели её всю без остатка и решили на следующее утро возобновить ловлю.

Мои товарищи думали, что я заберу лодку к себе, но я сказал, что лучше оставить её у Камаша. От их дома до Ольмы ближе всего было.

Не передать словами, как тронуло Василия моё доверие. С того раза лодка так и прижилась у него.

Тётя Роза из доставшейся ей части улова распорядилась приготовить разные блюда и постояльцам, и обслуге, в том числе моим родителям. Ну и сама попробовала судачьей ущицы.

Вечером, когда я явился с Ольмы, она погладила меня по голове и с ласковой улыбкой сказала:

– Кормилец.

Наш квартет рыбачил почти всё лето. Я-то ладно, мне можно было возле таверновской кухни столоваться, и проблемы с едой для меня и без пойманной рыбы не существовало. А вот у моих товарищей речная добыча стала заметной добавкой небогатым семейным финансам и провианту. Потому как родители их порой оставались без зарплаты, а бывало, что и без работы, неделями, а то и месяцами. Иногда им даже буханку чёрного хлеба не на что было купить.

Не единожды я отдавал свою часть улова друзьям.

После рыбалки они в большинстве случаев сразу бежали на рынок или пристраивались возле какого-нибудь бойкого магазина и продавали рыбу прохожим. Цену слишком не набивали, и товар у них разбирали слёту.

Случалось, к нам подъезжала рыбоохрана, но, помнится, дважды на куканах вообще ничего не было, а в третий раз...

В тот день у меня появилось предчувствие, что надо быть настороже.

– Роя, – сказал я, оглядывая из-под ладони водный горизонт, – а давайте привяжем куканы и садки к бакену, – нам везло, рыба так и шла на крючки. К тому времени мы уже килограммов шестьдесят наловили и хотели продолжить путину. – Вон к тому, ближнему, – я показал на красный плавучий знак, возвышавшийся над водой в сотне метров от нас.

– Зачем, Макс? – спросил Антошка.

– Так лучше будет, – ответил я и потрогал шнур одного из куканов. – Для всех нас. Вот увидите.

– Да ладно... – начал было возражать Гриша, но наш командир его остановил.

– Раз Чалдон сказал к бакену, значит, к бакену.

Едва мы отошли в сторону, оставив рыбу у конусовидного плавучего знака, как к нам подрулила моторка с рыбинспекторами. Хотели они взять нас «за жабры», а на единственном нашем кукане, прицепленном к надувашке, один лишь окунёк болтается.

– Что-то вам не везёт и не везёт, – сказал старший инспектор по фамилии Арзамасцев.

Он достал сигарету и закурил. Облачка ядовитого дыма поплыли в нашу сторону. От невыносимого противного запаха невозможно было дышать.

– Да, не везёт, – продолжил инспектор, буравя нас начальническим взглядом. – Сколько ни подъезжаем, всё в вашей лодчёночке пусто. Ну-ка признавайтесь, куда рыбу подевали?!

– Нет у нас никакой рыбы, – преспокойно ответил Василий. – Мы ведь больше загораем здесь, отдыхаем от школьной учёбы. Рыбалка – это от нечего делать, чтобы не скучно было.

– Ну-ну, загорайте, – хмуро буркнул инспектор. – Только не перегрейтесь на солнышке.

Моторка отвалила от нас и погнала дальше вверх по Ольме.

– Вот гады, – прошипел Василий. – Первые браконьеры на реке. Только вид делают, будто порядок наводят, а сами...

– Что сами? – спросил я.

– Так говорю – первые браконьеры. От них весь вред.

Поймав мой недоумённый взгляд, Василий пояснил:

– Рыбу они ловят: и осетров, и стерлядь, и шемаю, и вырезуб – любую запретную к ловле. Хоть в нерест, хоть когда. Себе и своим дружкам. И городским начальникам.

– Начальникам – это кому?

– Мэру Гнездилину, начальнику милиции Сушакову, главному прокурору Хрунову – всех не сосчитать. И Тиняеву, конечно.

– Тиняев – это кто?

– Это банкир, владелец заводов, газет и пароходов – местный денежный мешок. Без его согласия не назначают ни мэра города, ни остальные большие властители.

Так я впервые услышал о Тиняеве. Потом судьба не раз сводила меня с ним лицом к лицу, и именно по его милости я оказался погребённым в Галаевой пещере.

– Да ведь мы тоже браконьеры, – сказал я после недолгого размышления.

– Нет, – возразил Василий, – мы не браконьеры. Мы только разрешённую рыбу ловим. А если когда больше вылавливаем, чем по закону положено, так это не с жиру, а от нужды, потому что дома, бывает, жрать нечего – по милости этих же начальников, банкиров и прочих кровососов, сидящих на шее народа.

Поймав ещё несколько рыбин общим весом килограммов восемнадцать, мы погребли к бакену и, забрав ранее припрятанную добычу, направились к берегу.

– А вот это уже серьёзно, – сказала Роза Глебовна, когда я пришёл с полным рюкзаком лещей, судаков и сазанов. Примерно треть своей части добычи я оставил родителям, а две трети преподнёс тётушке. – Только, милый мой, рыбалкой ведь нельзя злоупотреблять. Потому как рано или поздно вы с ней залетите. И за вас родителям придётся расплачиваться.

После случая с рыбинспекторами, когда нам удалось обвести их вокруг пальца, Василий Камашов стал относиться ко мне с ещё большей уважительностью. И при выезде на рыбную ловлю непременно спрашивал у меня, где лучше всего поставить лодку.

На что я скромно отвечал примерно следующее:

– Кому, как не тебе, знать, куда! Ты же у нас самый опытный рыбак.

– Ладно, Макс, не прибедряйся. Говори.

– Мне кажется, опять будет клевать по ту сторону фарватера. Только не где мы в прошлый раз вставали, а вон там, напротив затонувшего баркаса.

Корма этого баркаса виднелась на отмели возле противоположного берега, заросшего тростником.

Без всяких разговоров Камаш гнал лодку к указанному месту, и нам снова везло.

Я же как свои пять пальцев видел несметные косяки судаков, сазанов и бёршей, позёмкой проплывавшие над самым дном Ольмы. И заранее знал, в какую сторону лучше забросить удочку.

Со временем Гриша с Антошкой тоже поверили в моё предвидение и неизменно ждали, когда я скажу, на какой курс ложиться, чтобы выйти к очередному скоплению рыбы.

И в большинстве случаев я знал куда. Но иногда нарочно указывал пустое место. В те дни, когда семейства моих друзей и так были обеспечены уловами под завязку. Нет, не с целью умерить рыбацкий азарт. Просто мне хотелось, чтобы все считали меня не ясновидящим, а всего лишь удачливым рыбаком. Которому, однако, не каждый раз везёт.

Напутствие директора Чукалинской школы не забылось, и я по возможности скрывал свои необычные внутренние качества.

Однако порой в голове у меня словно что-то замыкало и способности предвидения и другие экстрасенсорные восприятия окружающего мира исчезали сами собой. И тогда на вопрос, где лучше заякорить лодку для рыбалки, я честно отвечал, что не знаю.

– Как это? – недоумевали солодочники. – Всегда знал, а сегодня не знаешь!

– Сегодня мой мозг отдыхает, – говорил я. И приводил запомнившееся выражение из какой-то книжки: – Если у тебя есть фонтан – заткни его, дай отдохнуть и фонтану. Мой же «фонтан» заткнулся по собственному желанию, не спрашивая моего согласия.

– Опять о своём «фонтане»! – говорили мне в ответ. – Надоел ты уже с ним. Придумай что-нибудь новенькое.

Глава восьмая. Кладонскательство

Все городские пацаны из простых, с которыми я в ту пору приятельствовал, отчаянно нуждались в деньгах. Наверное, не меньше, чем их вечно безденежные родители. И не только потому, что кругом было множество соблазнов в виде разных магазинных вкусностей и соблазнительных штучек вроде игровых приставок к телевизору и других наворотов, но и для удовлетворения самых насущных потребностей.

На покупку, к примеру, приличных штанов или обуви. Чтобы не стыдно было выйти на улицу. Большинство родителей насчёт обнов были чрезвычайно скупы и обряжали своих чад в новёе или достаточно крепкое бэушное только при крайней необходимости, когда те совсем уж в дранье оказывались. А некоторые из ребят так в изношенной до крайности одежде и хаживали.

Мои друзья промышляли тем, что солили, вялили и продавали речную рыбу, преимущественно мелкую и средних размеров: плотву, ершей, окуней, густеру, чехонь, подлещиков. Где-нибудь на улице возле продмагов. Случалось, торговали и сигаретами – большей частью штучно, редко когда у них брали целыми пачками. Или картошкой, купленной на рынке мелким оптом – одним мешком – и предлагаемой затем прохожим килограммовой розницей.

Антон Файзулин кроме рыбы приторговывал овощами и цветами со своего огорода. Для этого мать – отца у него не было, погиб в заводской аварии – выделила ему целую грядку в огороде, на которой он выращивал редиску, помидоры и цветы – астры и лилии.

Мне тоже деньги были нужны позарез. Но к добыванию бабла, как именовали дензнаки мои товарищи, у меня были другие, совершенно отличные пути.

Во-первых, я чуть ли не ежедневно выполнял обязанности посыльного в заезжем доме. Приветствовал гостей, провожал в номер после регистрации, посвящал в особенности работы нашего «караван-сарая», в том числе ресторанного зала, принимал и передавал поступающую корреспонденцию.

Эта служба занимала у меня не больше двух-трёх часов в дневное время суток. Чаще в отсутствие тёти Розы. Если же она находилась на своём рабочем месте, то обычно сама и регистрировала новоприбывших и сопровождала их до номера.

Кроме этого я выполнял другие её поручения. За что тётушка примерно раз в неделю награждала меня купюрами разного достоинства – в зависимости от объёма выполненной работы.

Но не это стало главным источником моих доходов.

Как-то раз один из постояльцев, некто Виссарион Герасимович Тризубцев, обратился к владелице гостиницы с заявлением, что у него пропала банковская карточка, на балансе которой была значительная сумма денег, предназначенная для текущих расходов на весь период его пребывания в Ольмаполе. И высказал предположение, что пропажа – дело рук обслуживающего персонала.

– Вот мальчик, что меня сопровождал, – сказал он, заикаясь от волнения и ещё больше приподнимая и без того приподнятые брови. – Не мог ли он? Или горничная, убиравшая номер. Мне рекомендовали вашу гостиницу как самую лучшую, а оказалось, что тут не всё чисто.

Дальше Тризубцев упомянул милицию, к которой он вынужден будет обратиться.

Роза Глебовна выслушала его и, дождавшись, когда он выплеснет своё возмущение, спокойно сказала, что весь персонал заезжего дома отличается безукоризненной честностью и что она за всех ручается. Тем не менее она вызвала меня и мою матушку, выполнявшую обязанности горничной; кроме нескольких других комнат за ней был закреплён и номер, в котором проживал Тризубцев.

– Вот, Люба, – сказала тётя Роза, – наш гость не может найти свою банковскую карту. Не видела ли ты её где-нибудь? Это такой красивый пластиковый прямоугольничек.

В те времена эти штуковинки были большой редкостью.

– А везде ли Виссарион Герасимович посмотрел свою карту? – неожиданно для всех вмешался я в разговор. – Заглянули ли вы под передний коврик своего автомобиля? – вопрос уже непосредственно виновнику переполоха.

Замечу к месту, что «Бентли» гостя стоял у всех на виду, во дворе гостиницы, на охраняемой территории, недоступной для посторонних.

Постоялец на несколько секунд замер с открытым ртом, затем изумлённо вскинул брови и довольно-таки растерянно пробормотал:

– А ведь я в самом деле доставал там карточку, хотел переложить её из одного кармашка бумажника в другой. Но переложил ли?! Давайте посмотрим.

Прекратив обсуждение неприятной ситуации, мы все четверо спустились во двор. Тризубцев открыл дверцу своего автомобиля и приподнял правый передний коврик; под ним и оказался злополучный пластиковый прямоугольничек, действительно красиво оформленный, цветной такой, яркий на сером фоне пола.

Все с облегчением вздохнули, а владелец карты пожал мне руку и на радостях вручил две довольно крупные купюры.

– Спасибо, молодой человек! – сказал он, повлажнев глазами. – А то у меня сердце от переживаний покалывало стало. Прошу прощения за недостойные подозрения.

Матушка одарила меня нежным счастливым взглядом, Роза Глебовна погладила по голове, и я, спросив у неё разрешение, отправился на встречу со своими друзьями.

Как говорится, легко пришло – легко ушло. На денежки, полученные от постояльца, мы купили самого лучшего мороженого – четыре брикета, каждому по одному, четыре же батончика дорогого заграничного шоколада и выпили по стакану вкуснейшего клюквенного морса.

Затем побывали в развлекательном центре для подростков под названием «На краю Ойкумены», где прошли маршруты приключений повышенной сложности.

Ещё до наступления вечера от моих купюр не осталось и мелочи.

– Деньги-то, что тебе постоялец вручил, ты мне отдай, – сказала матушка, когда незадолго до наступления ночи я вернулся в гостиницу. – У меня они сохранней будут.

– Так нет их уже, – ответил я, испытывая нарастающее чувство вины.

– А где они?

– Мы их истратили.

– На что?

– На «Ойкумену».

– С Гришей и Васей истратили? И с этим, как его, Файзулой?

– С ними.

– Ясно. Промотали, стало быть, прокутили. Хорош сынок, нечего больше сказать! Ты хотел к школе новый костюм заполучить. Так вот, нет тебе ничего! В старом ходишь.

Старый – это тот, который на мне ещё в Чукалине был. Со штанами, протёртыми на коленках почти до дыр. И пиджачок, залатанный с одного боку. Я в селе-то стеснялся в нём на людях, а здесь город! В такой одежке не то что в школе, на улице показаться нельзя. Надо мной не только ученики, все прохожие смеяться будут. Лучше вообще не учиться, чем в этих обносках ходить.

До школы ещё больше месяца оставалось. Ладно, с одеждой как-нибудь образуется, подумал я. Авось мать к тому времени смягчится. Ещё лучше – самому на новье заработать.

Кто хочет – тот добьётся, кто ищет – тот всегда найдёт. Так получилось и со мной.

Нашёлся и для меня источник заработка, да ещё какой! Хотя и не сразу.

Долго я думал о способе обретения надёжного источника денежного дохода и всё никак не мог придумать.

Взяться за соление и сушку рыбы, чтобы продавать возле магазинов, как мальчишки, с которыми я водился? Нет, это было не по мне. Не мог я толком предлагать людям товар, стыдно мне было рядиться и называть цену.

Следующим импульсом, выведшим меня на путь истинный, стал разговор двух мужиков, случайно услышанный на автобусной остановке иногородних маршрутов.

– Вон, видишь, тоже в село намылилась, – сказал один из них, кивая на женщину с мольбертом в руках, стоявшую немного в стороне и тоже дожидавшуюся автобуса. – Она работает с кистью и красками. Сейчас приедет к какому-нибудь богатею, намазывает его портрет и сразу получит кругленькую сумму. А мы только топором, пилой да лопатой горазды наяривать. У нас с тобой самый примитивнейший труд. И низко оплачиваемый. Нет, надо чем-то другим заняться!

– И чем? – спросил его спутник.

– Тут подумать надо. Вот скажи, на что у людей никогда не исчезающий спрос?

– На продукты питания.

– Вот именно, – подтвердил первый мужчина, – на жратву! А теперь слушай.

– Слушаю.

– Есть такая поговорка: когда свободна была Русь, три копейки стоил гусь. Ты был когда-нибудь в Михайловке, что за лесом?

– Нет, не доводилось.

– Ладно, неважно. Так вот, в Михайловке меньше десяти домов осталось. Половина из них – пустые. Там, в этой деревне, моя бабушка Зоя Андреевна живёт. И ещё несколько стариков.

– Живут, и что?

– А то, что возле самой Михайловки озеро Тараш есть. Небольшое, с километр в длину и метров триста в ширину. Зоя Андреевна давно уж мне говорила разведением гусей заняться на этом озере. Им же, гусям, что требуется? Водоём в основном да трава подножная. А вокруг Тараша – луга одни, раздолье для пастбы. Бабушка моя всю жизнь эту птицу держала, в случае чего посоветует, как с ними обращаться. Да и я кое-что в этом деле разумею, доводилось этих водоплавающих обихаживать.

Подошёл автобус, мужики уехали, и конца разговора я не услышал. Но одно крепко засело в голову: надо браться за дело, которое востребовано и которое лучше всего знаешь! И желательно за такое, какое не каждому доступно и потому наиболее для тебя доходное.

А что я знал лучше всего?!

Вспомнилось, как мне удалось помочь отцу найти необходимую денежную сумму на покупку солярки. И случай с крестиком, оброненным матушкой в предбаннике. Как она нашла его после моей подсказки. И коробка «Монпансье» с золотыми украшениями. Наконец, последний случай с постояльцем таверны Тризубцевым и его банковской картой.

Вот на чём попытать бы счастья – на поиске потерянных или спрятанных и забытых дорогих вещичках. В разных потайных местах. Сто, двести лет назад спрятанных, словом, в стародавние времена. Да без разницы когда. Главное, чтобы эти вещички были бесхозными. Только где и как эти клады искать?

Сопровождаемый мыслями о рукотворных богатствах, таившихся в схронах и просто в недрах земли, я отправился на пляж Мелкие пески. Любимое место летнего отдыха горожан.

День выдался жаркий, народу на пляже – ногой негде было ступить.

Окинув взглядом пологий берег, облепленный загорелыми телами, я облюбовал местечко с краю от людского муравейника, на некотором расстоянии от него. Песок здесь начинал про-

растать мать-и-мачехой и другой приречной травой, но эта дискомфортность с лихвой компенсировалась отсутствием тесноты и человеческого гвалта.

Недолгий размеренный заплыв поперёк едва заметного течения, и я повернул к берегу.

Уже на выходе из воды, немного впереди и справа от меня, на дне реки что-то необычно рубиново сверкнуло. И исчезло. Шаг назад, и взгляд уловил то же самое точечное сверкание, словно влажная ягода костяники отразила солнечный свет.

Под ложечкой ёкнуло, на мгновение стянуло горло.

Я наклонился, опустил руку в воду, осторожно провёл по слегка уклониному дну и... нашарил что-то неширокое, округлое, с небольшим выступом, на две трети затянутое темноватым илом.

Осторожные покачивающие движения – находка легко подалась, и на ладони оказался массивный золотой перстень с рубиновым камешком. Я окунул его раз, другой, илистый налёт смылся, и камешек вспыхнул на солнце ярким привораживающим огоньком. Мягко, переливчато воссияло гладенькое полированное золото.

Зажав находку в кулаке, я обвёл взглядом отдыхающих.

Пляж шумел, исходил ребячьими криками и музыкой, и никому не было дела до меня.

В тот же день я обошёл несколько ювелирных отделов в универмагах и ознакомился с ценами на кольца, украшенные драгоценными камнями – рубинами, сапфирами и прочими.

Узнав, что надо, я отправился в магазин «Золотое руно», принадлежавший приятелю тёти Розы ювелиру Соломону Давидовичу Эльдигеру.

Просторный зал, витрины, полки, остеклённые прилавки с золотыми и серебряными изделиями. Ничего особенного, примерно то же самое, что и в других подобных торговых заведениях. Две молодые продавщицы за прилавком, предлагавшие одинокому покупателю на выбор несколько украшений, кажется, ожерелья с белыми камушками. В противоположной стороне зала, тоже за прилавком, бородатый мужчина в очках, что-то чиркавший карандашиком в записной книжке; уверенный такой, дородный, важный. С первого взгляда было понятно, что он здесь главный.

– Мне нужен владелец магазина, – сказал я, приблизившись к нему.

– Ну я владелец.

– Соломон Давидович?

– Он самый.

– Здравствуйте!

– И вам здравствовать!

– Я по делу.

– По делу?! По какому же?

– А вот...

Я поднял правую руку, на среднем пальце которой волшебным образом посверкивал найденный перстень.

– Откуда он у вас, юноша? – спросил Соломон Давидович с несколько безразличным видом. Однако в его глазах на долю секунды появился интерес, и это не ускользнуло от меня.

– Да вот, на Мелких песках...

И я рассказал, как всё было. И сразу понял, кожей почувствовал, что мой визави поверил мне.

– Занятная вещица, – сказал ювелир. И спросил: – У вас паспорт с собой?

– У меня нет паспорта, я ещё...

– А, вы несовершеннолетний! В таком случае, известно ли вам, молодой человек, что сделка с ломбардом или со мной, ювелиром, действительна только при письменном согласии ваших родителей или опекунов?

– Догадываюсь, – ответил я.

– Как же вас звать-величать?

– Максим.

– А по бабушке?

– Егорыч.

– И где вы живёте, Максим Егорыч? Кто ваши мама и папа?

– Вы их не знаете, а живу я в заезжем доме при «Таверне Кэт». И отец с матерью там служат.

– Кем же приходится вам владелица этого достойного заведения, моя дорогая ненаглядная Роза Глебовна?

– Она моя тётя.

– А, так вы её племянник! Тогда скажите, юноша, имеете ли вы какое-нибудь отношение к старинной броши, которую она недавно принесла в мой магазин?

– Тётя Роза показывала мне эту вещицу, перед тем как отправиться в «Золотое руно».

Действительно, показывала. Мало того, я сам держал её в руках. Но понятное дело – это была только часть правды.

– Очень интересно, очень. Однако что можно сказать по поводу перстня, найденного на дне реки?! – он оценивающе посмотрел на меня и погладил бороду. – С одной стороны, купить его у несовершеннолетнего – значит, нарушить закон. С другой стороны, будем здраво рассуждать, кто пострадает от нашей купли-продажи? Никто не пострадает. А два человека непременно выиграют – это вы и я. В конечном же счёте косвенно выиграет и всё общество. Правильны мои рассуждения?

– Конечно, правильны! – сказал я, уже понимая, что предчувствия не обманули меня и желаемая сделка состоится.

– В довершение всего мы ведь о нашем гешефте никому рассказывать не будем, так ведь? Он бросил взгляд на своих помощниц, занимавшихся покупателем.

– Да, именно так, от рассказов на эту тему будет только вред нам обоим.

– Тем более что, возможно, мы продолжим наше сотрудничество?

– Надеюсь на продолжение.

– И вы принесёте сюда ещё немало подобных безделушек?

– Хотелось бы принести, но пока не знаю, удастся ли.

– Думаю, таки удастся.

Удивительно, но Соломон Давидович раньше меня уверовал в мои способности к отысканию разных кладов и просто потерянных дорогих вещиц, которыми, по всей вероятности, земля была буквально напичкана за многие века пребывания на ней гомо сапиенса, нередко становившегося безумным в погоне за сокровищами.

– Хорошо, – подытоживающе сказал ювелир. – А теперь пройдёмте со мной, – и он провёл меня за прилавок и далее в смежную комнату.

– Дайте мне перстенёк.

Внимательно изучив украшение, ювелир спрятал его в изящную шкатулку и вручил мне довольно крупную сумму, намного большую, чем я рассчитывал.

– Максим Егорыч, – напутственно произнёс ювелир перед расставанием, – мы ведь не будем разбрасываться денежками налево и направо с целью привлечения чьего-либо внимания, а?

– Конечно, – смиренно ответил я. – Мы будем вести прежний скромный образ жизни, без значительных денежных расходов.

– Молодец! Хороший мальчик – всё понимает.

Я уже собрался уходить, однако Соломон Давидович остановил меня.

– Минуточку, молодой человек, – ласково проговорил он. – К вашему сведению, я вручил вам только пятую часть суммы, причитающейся за перстень.

– Не понял!

Мне показалось, что я ослышался.

– Пусть четыре пяток выручки полежат у меня. До времени. Позвольте мне быть как бы вашим банкиром. Зачем тащиться по улице со всем количеством ассигнаций? Вдруг кто-нибудь пожелает ограбить юношу с туго набитыми карманами! И что тогда? Тогда в одно мгновение опять можно остаться ни с чем. Осторожность не помешает! За следующей частью денег придёте, когда истратите полученное сейчас. Так по рукам?

– По рукам, – кое-как выдавил я.

Столько деньжищ привалило! На минуту у меня одеревенели ноги, а к сердцу подступила непонятная тяжесть.

– Что с вами? – спросил торговец драгоценностями. – Вы недовольны?

– Наоборот, очень доволен, – ответил я, едва справляясь с обуревавшими чувствами. – Тем более что мой расчёт был на гораздо меньшую сумму.

– Вы очень просты, дорогой юноша. Но ничего, со временем этот недостаток исчезнет.

Глава девятая. Попытка ограбления

Соломон Давидович как в воду глядел. По пути к таверне меня встретили трое парней. Чтобы сократить расстояние, я свернул в неширокий переулок, обильно заросший травой; с одной его стороны стоял высокий глухой забор, а с другой – два старых заброшенных дома с пустыми глазницами окон и провисшими потолками.

Они подъехали на мопедах. Мысли мои ещё витали вокруг только что совершившейся купли-продажи, от радости хотелось петь и плясать, и шум моторов дошёл до меня лишь в последний момент. Парни выросли передо мной словно из-под земли.

– Стой, пацан! – сказал самый высокий из них, загораживая дорогу. – А ну покажь, что в карманах!

Это был Шкворень, тип, которого я видел, когда приезжал в августе прошлого года к тёте Розе. Вспомнилось, как он обещал своим родителям удавить их. Ничего хорошего от него ждать было нельзя. В этой троице он отличался не только высоким ростом, но и длинными сильными руками. Внимание привлекал его взгляд – холодный, пустой, словно Шкворень был человеком без души.

– Ничего нет, – сказал я, оглядываясь и прикидывая, можно ли от них убежать.

– А вот сейчас узнаем – есть или нет. Что там сбоку у тебя? Кабан, Ряха, держите его!

– Уже держим!

Я и глазом не успел моргнуть, как был схвачен с двух сторон. Высокий протянул руки, чтобы обшарить мои карманы, в одном из которых лежали деньги, вырученные от продажи перстня, но тут вновь послышался быстро приближающийся шум, раздался знакомый голос, меня резко потянуло в сторону, и я упал.

Крики, злобная брань, шарканье ног, звуки ударов, мелькание фигур и теней – всё смешалось во что-то невообразимое. Когда я опомнился и вскочил на ноги, то увидел, что один из гопников сидит с выпученными глазами на дорожке и прижимает ладони к области солнечного сплетения, а над ним, слегка склонившись, стоит Гриша Калитин. Второго держал за грудки Василий Камашов, самый сильный и надёжный из всех ребят, которых я знал. Рядом лежали велосипеды моих друзей. Немного дальше различилась фигура Антошки Файзулина.

– Не бойся, – бросил Василий, глянув на меня, – мы с тобой!

Ловкий борцовский приём, и грабитель, взбрыкнув ногами, полетел в заросли бурьяника.

С противной стороны лишь один Шкворень был готов к продолжению схватки, причём нешуточной. Он отскочил в сторону и выставил перед собой нож, из рукояти которого со щелчком выскользнул остро заточенный клинок.

– Ну что, твари, подходите! – крикнул он, принимая боевую стойку и перекидывая ножичек из одной руки в другую и обратно. – Сейчас я вас всех порешу!

Если откровенно, я испугался. Гриша с Антошкой тоже оторопели. Только Василий сохранял присутствие духа; глаза его налились непривычной лютой ненавистью, губы стиснулись в прямую линию. В руках у него оказались две короткие палки, соединённые тонкой цепочкой, – самодельные нунчаки, восточное холодное оружие. Я и не заметил, когда он достал их из недр своей одежды.

Ловко вращая перед собой этим экзотическим приспособлением для драки, Камаш бесстрашно двинулся на противника.

Главарь же уличных бандитов дрогнул, попятился, повернулся бежать, но Василий в два прыжка настиг его, замахнулся нунчаками и...

Шкворень негромко всхрапнул, потерял равновесие и, сделав по инерции пару шагов, растянулся на земле. Наш командир подбежал к нему и нанёс ещё несколько ударов нунчаками и ногами. Раздался истошный вой.

– Ты мне руку сломал!

– Это тебе за нож! – несколько возбуждённо сказал Василий. – Чтобы знал в другой раз, за что хвататься нельзя. Руку я тебе не сломал, а вот с «выкидушкой» можешь распрощаться.

Сказав так, он наступил на клинок ножа, лежавшего рядом с бандитом, и, взявшись за рукоять, рывком потянул её вверх. Раздался слабый хруст.

– За нож ответишь, – сказал Шкворень, принимая сидячее положение.

– За то, что сломал твой «выкидыш»? – спросил Василий. – А за это тоже ответу, да?

Он подошёл к мопедам, стоявшим сбоку дорожки, вынул из кармана коробок со спичками и, посмотрев на меня, спросил:

– Который его?

– Вон тот.

Отвернув крышку бензобака, Василий свалил шквореньский движительный аппарат на дорогу; из открытой горловины потекла, негромко булькая, сине-жёлтая горючая жидкость.

– Эй, что ты делаешь?! – крикнул главарь налётчиков.

Мгновенно оказавшись на ногах, он бросился к своему транспортному средству, но было уже поздно. Василий чиркнул спичкой по коробку, сера вспыхнула, движение руки – и мопед объяло жарким коптящим пламенем.

– А-а-а!!! – завопил Шкворень, потрясая кулаками. – Ну всё, Камаш, тебе конец! Ты за это ответишь, за всё ответишь!

То, что сделал Василий, был уже явный перебор. Так мне казалось. Я словно увидел происходившее со стороны, почувствовал настроение участников разборки, их психологическое состояние и прочитал мысли каждого.

У Шкворня кроме отчаяния был позыв уничтожить всех нас. Мыслительные способности Кабана и Ряхи перекрывались готовностью спастись бегством.

Василием руководили железная воля и неумолимость к противнику. У Гриши от нервного напряжения сильно билось сердце. Он старался не показывать свою слабость, но это ему плохо удавалось. Антошка Файзулин стоял сам не свой и не знал, что делать.

Вдобавок мне привиделось, что впереди нас ждёт большая ожесточённая война, с одной стороны которой – наша компания, а с другой – шквореньская кодла.

В то же время где-то в подсознании теплилась надежда, что представившаяся военная эпопея не сбудется. Ведь были же у меня ошибки при определении мест для той же рыбалки! Хорошо было бы ошибиться и в этот раз.

Свёрнутый пакет с деньгами лежал возле моих ног. Я и не заметил, как он выпал из кармана. Быстро наклонившись, Камаш поднял его и взвесил на ладони.

– Твой?

– Мой.

– Его они хотели отнять?

– Да.

– Возьми.

Он даже не спросил, что находится в пакете, и мне не пришлось изворачиваться и врать.

– А мы едем, видим, они тебя окружают, – сказал Гриша, приблизившись. – Выручать, говорим, надо Чалдона. Ладно, успели.

– Берегитесь, сволочи! – крикнул Шкворень. – Мы вас где хошь достанем!

Наши противники стояли возле почерневшего от огня, ещё дымящегося мопеда и с ненавистью поглядывали в нашу сторону. Но на их лицах читалась и некоторая растерянность.

– Берегитесь сами! – ответил Василий. – Попадёте ещё на какой-нибудь пакости, всем троим ноги переломаем.

Мы сели на велосипеды – Антошка посадил меня на багажник – и, воодушевлённые победой, покатали в сторону наших улиц.

Оглянувшись, я увидел, как Шкворень и его приятели о чём-то спорят, ожесточённо размахивая руками.

– Чего-то задумывают против нас, – сказал Гриша, тоже посмотрев назад. – Какую-то мерзость.

– Я им задумаю! – откликнулся Василий. – Не с теми они связались! Но всё равно надо быть осторожнее.

Обещание главаря шпанины отомстить нам вылилось в боевое противостояние, принявшее затяжной характер. Выходило, что моё предвидение было правильным.

Спустя неделю шквореньская кодла жестоко избила Файзулу, случайно столкнувшись с ним за городом. Его свалили на землю и долго с ожесточением охаживали ногами.

Нашего товарища забили бы до смерти, если бы Ряха, сообразив, чем всё может закончиться, не оттащил своих.

– Хватит, прекратите! – кричал он. – Сядем ведь! Оно нам надо?!

В другой раз Шкворень собрал восемь парней, вооружённых палками и велосипедными цепями. Чтобы встретить Василия.

Вечером, уже по тёмному, тот возвращался с рыбалки. И вот его подкараулили и...

Не буду описывать, как всё происходило. Главное, что Василию удалось вырваться. Домой он пришёл весь в крови и разорванной одежде. Часть левого уха – сзади, вдоль по завитку – была откушена. Эта отметина так на нём навсегда и осталась.

Родители запричитали, отец сказал, что надо заявить в милицию, однако Василий ответил, что куда заявлять не надо и что он сам со всеми разберётся. И разобрался. Отлавливая своих ненавистников по одному, по двое и по четверо – сколько попадалось. Бывало, и мы ему помогали, но обычно он действовал один.

Завидев его на улице, Шкворень с подельниками в большинстве случаев ныряли в какую-нибудь подворотню или переулок. Чтобы избежать неминуемых побоев. В нашей части пригородной Тихоновки никто из них не смел появляться. Так продолжалось несколько лет – всё то время, пока я оставался в Ольмаполе.

В мести неприятелю Василий был неукротим. Дважды на него подавали жалобы. Разбираться приходил помощник участкового лейтенант Зубревич.

– Видите, что они со мной сделали, – сказал наш товарищ в первую их встречу. И дотронулся до повреждённого уха.

– Вижу, – сказал милиционер. – Но ты всё же полегче со шквореньскими. Не убей кого-нибудь. А так... Спокойней стало в посёлке. Приутихли они. Благодаря тебе. Жаль, мне нельзя применять такие методы.

Глава десятая. Кладоискательство. Продолжение

Об истории с перстнем, найденным на Мелких песках, я никому не сказал. Никому ни полнамёка. Даже Василий Камашов и тётя Роза оставались в неведении.

В начале кладоискательских событий я думал, что подарок Ольмы в виде драгоценного перстня – случайность, всего лишь однократное везение. А мне мечталось отыскивать настоящие клады регулярно, на постоянной основе, сделать кладоискательство как бы своим ремеслом. Хотя бы в некоторой степени. Отыскивать всё то, что некогда было припрятано купцами и прочими зажиточными людьми.

Только где эти рукотворные сокровища могут быть спрятаны?! Об этом моя интуиция и в целом подсознание ничего не говорили.

Между тем мысли если не о богатстве, то о хотя бы получении достаточно стабильного заработка, овладевали мною всё сильнее и, кажется, уже не покидали ни на секунду.

Однажды, преследуемый размышлениями о золоте и прочих чудесных ценностях, таившихся в недрах земли, я забрёл в Злобинское урочище, что в километре от северной окраины Ольмаполя.

Когда-то там стояла усадьба богатейшего помещика Злобина. Сам помещик вместе с семьёй и ближними домочадцами в 1918 году эмигрировал за границу. Усадьбу же, представлявшую собой прекрасный архитектурный комплекс, революционно настроенные мужики разграбили, а то, что не удалось унести, предали огню.

Фотографии усадьбы экспонировались в Городском историческом музее. Я их там видел и очень внимательно рассмотрел. Поэтому представление о художественном облике зданий и прилегающей территории у меня было довольно полное.

Нагромождения кирпичных глыб, скреплённых цементным или каким-то иным раствором, единичные выступы фундамента над поверхностью земли – вот всё, что сохранилось от роскошных построек. Большая часть развалин поросла луговой травой, кустарником и деревьями.

Сумрачно было в урочище и тихо, как на кладбище. И настроение создавалось под стать кладбищенскому: спокойно-безрадостное, словно медитативное и отрешённое от мира сего.

С четверть часа ходил я по этому островку былой устроенности, меряя его шагами вдоль и поперёк.

Наконец, осмотрев руины, присел на один из обломков стены и в очередной раз огляделся. На всей пространственной композиции лежала лишь печать забвения и проступали многолетние следы воздействия природных явлений. Здесь и там, во многих местах, одни старые, замытые дождевой и талой водой осыпи каменной кладки. Но в трёх-четырёх метрах от меня обрушение стены было совсем недавнее, отличавшееся от остальных фрагментов развалин более свежим контрастным оттенком. А из середины обвала выступало нечто правильной геометрической формы...

Приблизившись, я смахнул с этого «нечто» кирпичный щебень, и взору моему представился угол ящичка, покрытого вековой пылью и неровным сморщенным слоем паутины, похожим на серую ткань.

От возникшего нервного напряжения знакомо уже, как и в случае с речным перстнем, обожгло в груди. Быстрый взгляд по сторонам. Нигде ни единой души, кроме стайки грачей в кронах деревьев на противоположном конце урочища.

На высвобождение находки из груды обломков ушло не больше двух минут. Это оказался не простой ящичек, а старинный ларец довольно искусной работы.

После непродолжительных попыток крышка ларца поддалась, открылась, и взору моему представился целый ворох украшений: жемчужное ожерелье, золотые и серебряные браслеты,

подвески, цепочки и ещё что-то красивое, переливчатое, завораживающее. Под ними всю нижнюю половину ларца занимали золотые монеты размером примерно от восемнадцати до двадцати четырёх миллиметров в диаметре, с изображением Николая Второго на одной стороне и царским гербом – на другой.

Сколько монет находилось в ларце, навскидку неопытному человеку определить было невозможно. На первый взгляд показалось, что золотых кружочков больше трёх сотен; на другой день у себя в комнате заезжего дома, закрытой на ключ, я все их несколько раз пересчитал. Монет было ровно пятьсот.

На ум пришли несметные клады из книг «Остров сокровищ» и «Граф Монте-Кристо»!

Содержание обнаруженного тайника многократно уступало количеству золота и драгоценных изделий в упомянутых литературных произведениях. Однако моя находка тоже представляла немалое богатство.

Найденные ценности, несомненно, открывали передо мной новые перспективы. Важно только здраво распорядиться ими.

Я ещё раз огляделся. По-прежнему в урочище и вокруг него ни одного человека. Вспомнились грачи. Но и они улетели.

Что делать? Взять ларец и отправиться с ним в родительский дом? Или в «Таверну Кэт»? На ум сразу пришла шквореньская братва. Да мало ли других злоумышленников в городе. Вдруг меня ограбят по дороге!

Немного подумав, я взял лишь одно жемчужное ожерелье. Завернул его в носовой платок и сунул во внутренний нагрудный кармашек куртки. Ларец же поместил на прежнее место в стенном углублении. И завалил битым кирпичом и каменистым крошевом.

Где-то мне доводилось читать или слышать, что при длительном хранении жемчуг нередко тускнеет и даже сморщивается, то есть приходит в полную негодность. На мой жемчуг, однако, время не повлияло, и он сохранил первозданный насыщенный вид, словно только что был снят с женской груди. Видимо, условия в глубине мощной каменной кладки были для него достаточно подходящими.

Наступившей ночью, в самую глухую пору, когда абсолютное большинство людей крепко спят, я вновь побывал в Злобинском урочище и забрал ещё около половины клада. А спустя сутки, опять ночной порой, ближе к утру, унёс остальное – вместе с ларцом. Дорога туда и обратно в обоих случаях была пуста, и ценный груз был доставлен без происшествий.

Клад я разделил на две части. Одну спрятал на чердаке таверны. В той самой полости под стропильной ногой, где прежде хранилась коробочка из-под «Монпансье». Вторую, большую часть, закопал в винном подвале заведения. В самом его конце, возле задней торцевой стены. Поднял гвоздодёром несколько брусчатых камней, которыми был выложен пол, выкопал ямку, и вот в неё... После чего засыпал тайник вынутым до этого грунтом и водворил на прежнее место брусчатку. Следы работы присыпал песочком и размёл его по сторонам. Им были заполнены углубления между камнями по всей площади подвального пола. Моя маскировка была совершенно неотличима.

При себе я оставил только жемчужное ожерелье, две золотые монеты и пустой ларец, который поставил внизу одежного шкафа, прикрыв сверху разным тряпьем.

Какие чувства испытывал я при виде богатства, свалившегося на меня?

Не скрою, в первые минуты, ещё в урочище, мною овладело сильнейшее волнение, такое, что трудно было дышать. Что-то тяжкое подступило снизу к груди – вздохнуть было невозможно. Но почти тут же вспомнилась басня Крылова «Ворона и лисица» и слова из неё: «Вещунья с похвал вскружилась голова, От радости в зобу дыханье спёрло...» Точь-в-точь как у меня.

Ещё на ум пришёл царь Крез, правитель Лидии, чьё богатство вошло в поговорку. Где он сейчас, этот царь? Что осталось от повелителя древнего государства и его несметного злата

и серебра? История рассказывает, что лидийское царство было завоёвано персами, а сам царь пленён. Выходит, не помогли Крезу его сокровища.

Также в сознании всплыл разговор Креза с мудрецом Солоном. Именно тогда великий мудрец произнёс знаменитую фразу, что «никого нельзя назвать счастливым прежде его смерти».

Поэтому успокойся, сказал я себе, ещё неизвестно, какое счастье принесёт тебе злобинский клад и принесёт ли вообще!

Одно лишь отложилось у меня: да, золотые монеты и украшения могут гарантировать обеспеченное будущее и исполнение планов. Но только если ими расчётливо, грамотно распорядиться. Не трезвонить по их поводу. Полное молчание! Ни одной душе ни-ни!

Той части денег, что Эльдигер вручил мне за перстень, хватило ненадолго. Во-первых, я купил себе вполне приличный костюм к наступающему учебному году. Во-вторых, подарил мамушке подержанную, но вполне добротную швейную машинку – она умела и любила шить. А отцу преподнёс торшер. У моего Егора Яковлевича была привычка читать перед сном. С торшером же как было удобно: протянул руку, щёлкнул выключателем – и баиньки. В-третьих, я обзавёлся новыми наручными часами взамен старых, которые утопил, рыбака с лодки. И осталось у меня наличных трень-брень да маленько.

На вопросы родителей, откуда деньги, сказал, что половину заработал, помогая Розе Глебовне в её таверне, а вторую половину выручил от продажи рыбы. Такой ответ их устроил, и больше они не приставали.

Жемчужное ожерелье словно обжигало сквозь ткань кармана, и мне не терпелось поскорее избавиться от него. Следуя пословице не класть все яйца в одну корзину, я отправился не в «Золотое руно», а в конкурирующий ювелирный магазин. Но царившая в нём атмосфера обмана подсказывала, что меня постараются облапошить и выпроводить вон с сущими грошами. Тогда я посетил второй магазин, торгующий золотыми украшениями, затем – третий. А в итоге вновь оказался у Соломона Давидовича.

– Шестое чувство таки подсказывало мне, что молодой человек опять принесёт нашему предприятию какую-нибудь редкостную красоту, – сказал ювелир, когда я вошёл в его заведение. – Полагаю, оно не было ошибочным. Итак, что у нас на этот раз? Вы же пришли не ради лицемерия моей персоны?

Я положил перед ним украшение.

– Ого! – воскликнул торговец, не сдержав эмоций.

Не буду рассказывать о способах, посредством которых Соломон Давидович оценивал качество жемчужин. Все они исчерпывающе описаны в том же Интернете.

– Юноша, вы меня удивляете! – вскричал торговец. – Где вы берёте такие чудненькие вещички? Может, опять на речке? Однако зачем я спрашиваю, вы же всё равно не скажете. Или всё-таки скажете?

– Нет, в этот раз не скажу. Зачем вам знать?

Соломон Давидович назвал цену, которую готов заплатить за ожерелье. И минут пять объяснял, почему именно столько. По его словам выходило, что исключительно из-за достоинств украшения.

– Надеюсь, наше взаимовыгодное сотрудничество так и будет продолжаться, – вновь, как и в первый мой визит, сказал он на прощанье.

– Я тоже надеюсь на это, – ответил я совершенно в той же тональности.

Мне удалось безошибочно прочитать мысли хозяина магазина. Он был не только абсолютно честен со мною. Его интересовал сам процесс развития наших деловых отношений и то, во что они в конце концов выльются.

Сумма, вырученная от продажи ожерелья, потрясла воображение; при мысли о деньгах, которыми я теперь располагал, кружилась голова. И мне вновь и вновь приходилось вспоминать о Крезе и вороне с сыром, чтобы успокоить себя таким способом.

Почти всё вырученное от продажи опять осталось у Соломона Давидовича – по моему предложению и с полного одобрения партнёра по бизнесу. Так было надёжней, считал я. С собой же я взял лишь несколько банкнот среднего достоинства на текущие расходы.

Думал ли я о том, чтобы отнести найденные сокровища в милицию или прокуратуру? Конечно, думал. Но в памяти всплывала не такая уж давняя история о том, как один рабочий, найдя клад серебряных монет при ремонте общественного здания, понёс его в ольмапольский отдел милиции, с тем чтобы зарегистрировать и получить причитающуюся по закону долю стоимости находки.

Однако кончилось тем, что милиционеры присвоили монеты себе. А в ответ на протесты рабочего, отходили его резиновыми дубинками и выгнали вон. Слухи об этом случае докатились и до нашего Чукалина.

Подобная участь мне ни к чему. Да и огласка моего имени была недопустима. Я со своими драгоценными находками должен был оставаться в тени.

И всё же мысли о нечестности по отношению к государству не давали покоя. Одно дело перстенёк, поднятый со дна реки, и совсем другое – ларец, полный золота. «Мошенник, мошенник, – вертелось в голове. – Ты ничем не отличаешься от обычных жуликов и воров».

Промучившись несколько дней, я достал из чердачного тайника пятьдесят золотых монет и понёс их в участковый пункт милиции. Чтобы в случае благополучного завершения затеи со сдачей принести всё остальное.

Капитан по фамилии Тапызин, сидевший в участке, спросил, откуда они у меня? Я сказал, что нашёл в тайнике Злобинского урочища.

– Здесь всё золото, или сколько-то ты оставил в загашнике? – понижая голос и дружески улыбаясь, спросил милиционер.

Его намерения прочитались, словно буквы на световом экране, и я понял, что не видать мне ни монет, ни вознаграждения.

Так оно в итоге и получилось.

– Это всё, что находилось в тайнике, – сказал я, сохраняя спокойствие. – Больше ничего не было.

– Точно не было? Или... Мы можем устроить проверку на детекторе лжи.

– Гром убей, не вру! Всё, что нашёл, принёс вам. Как и положено по закону. Я честный человек, любого, кто меня знает, спросите.

– Ладно, ладно, не распинаясь.

Тапызин оформил акт о приёме клада и пообещал отправить его в соответствующие инстанции. Только мои монеты затерялись где-то в недрах государственной машины; не исключено, что офицер зажал их, а бумажку с актом приёма изорвал и выбросил в мусорную корзину.

Позже я несколько раз приходил в участок, чтобы узнать о полагающемся вознаграждении, но капитан лишь пожимал плечами и говорил, что это дело нескорое и надо ждать. Спустя три месяца его перевели на новое место службы, и на нашем участке оказался другой милиционер, в звании старшего лейтенанта.

Судьба сданных монет так и осталась для меня тайной. Видения же, витавшие в голове на этот счёт, вполне могли быть ничем не обоснованными домыслами.

В конце концов я обругал себя за наивность и решил забыть дорогу в милицию. Хорошо ещё, капитан Тапызин не стал докапываться до основной части клада, по сути, я отделался малой кровью.

Казус со сдачей царских импералов и червонцев послужил мне уроком на всю жизнь.

Уже немало возникало ситуаций с находками тех или иных «посеянных» вещей или тайников с ценностями. И для этого не надо было напрягать мозговые извилины – всё как бы само шло мне в руки. Или наоборот, Провидение подводило меня к золу и серебру и получалось так, что я как бы случайно наткнулся на них.

Вновь и вновь вспоминались мне первые удачи в плане определения местонахождения пропавших: и матушкин крестик в предбаннике, и забытый отцовский запасец между книжными страницами. И последующие, уже в Ольмаполе: банковская карточка под автомобильным ковриком, чердачная коробка «Монпансье», перстень со дна реки, клад злобинского урочища. Наконец – единичная серебряная монета с царским профилем.

Однако некоторые сомнения в способности находить те или иные драгоценности всё ещё оставались, не давая покоя. Поэтому я решил проверить себя ещё раз. Чтобы окончательно увериться в себе.

Хорошо бы, подумалось мне, напасть не на стародавний клад, а на что-нибудь более современное, например на портфель или чемодан с деньгами. Вот было бы здорово!

Но что, если я найду наличные, а они окажутся бандитским общаком? От продажи наркотиков, допустим.

Тогда сии дензнаки будут опасными и лучше с ними не связываться. И вообще они грязные по своему происхождению и... Брр! Одна мысль о наркотиках и о том, что они делают с людьми, вызвала отвращение. «Ну мы там посмотрим, как ими распорядиться, – сказал я себе, – обстоятельства покажут».

И надо же, судьба – или Высшая сила, Провидение? – в очередной раз пошла мне навстречу, правда, попутно изрядно посмеявшись надо мной.

Случилось так, что тётё Розе понадобилось срочно отправить какой-то документ одному из нотариусов соседнего города Невольска. Никого из взрослых в тот момент под руками у неё не оказалось, и она поручила доставку мне, наказав, чтобы в дороге я вёл себя осторожно и после передачи бумаги указанному должностному лицу немедленно возвращался в Ольмаполь.

До Невольска быстрее всего в этот час можно было доехать проходящей электричкой. Купив билет, я прошёл в полупустой вагон, сел на жёсткую деревянную лавку возле тамбура и почти сразу же обратил внимание на тёмную холщовую сумку, прислоненную к стенке у окна.

Сумка явно не была пустой. Поколебавшись с полминуты, я взял её за лямки и посмотрел внутрь. На дне мягкой ёмкости лежал прозрачный полиэтиленовый пакет, сквозь синеву которого проглядывали... пачки банкнот. Я взял одну из них. Это были сотенные денежные знаки – долларовые. На кольцеобразной упаковочной бумаге было написано «10 000» И символ «S» с двумя вертикальными палочками. Тринадцать пачек. В голове мгновенно сложилась сумма...

Почувствовав чей-то взгляд, я поднял глаза. На меня в упор смотрел парень лет двадцати, сидевший на противоположной скамье.

- Откуда они у тебя, малец? – спросил он с заметным напряжением.
- Да вот, лежала на сиденье, – растерянно проговорил я. – Забыл, видать, кто-то.
- И сколько в ней?
- Сто тридцать тысяч.
- Сто тридцать!

Кажется, сосед по вагону подавился слюной. Он вдруг закашлялся, вскочил на ноги, покачнулся и неловко повалился на меня; его предплечье надавило мне на лицо, ладони ощутили едва заметный рывок.

Когда я осознал, что происходит, парень уже пересекал тамбур. В руках у него была та самая холщовка. Я приподнялся было, чтобы броситься за ним, и... снова опустился на лавку. Эти деньги не мои, так стоит ли их спасать?

Двери вагона захлопнулись, поезд тронулся.

Воришка остался на уплывающем перроне. Мы встретились взглядами. Он весело улыбнулся, помахал мне рукой и бодро зашагал к дверям вокзального здания. Я успел улыбнуться в ответ и тоже помахал ему, причём радостно. На душе у меня было легко и светло.

– Вон она, сумка! – донеслось сквозь открытую фрамугу окна. – Держите его!

Из-за торговых палаток с той стороны, куда двигался поезд, выскочили трое бегущих мужчин. Незадачливый похититель сразу всё понял и повернул назад, но оттуда навстречу ему бежали ещё двое. Послышались какие-то неразборчивые крики. Я успел увидеть взмах резиновой дубинки, падающую фигуру вора, и набравшая скорость электричка скрыла продолжение эксцессивного действия, его развязку.

«Значит, так было уготовлено свыше – мысленно проговорил я, вольготно откидываясь на спинку сиденья. – И вообще: нашёл – не радуйся, потерял – не плачь».

Всё нормально, ничего не приобретено и не потеряно. А сто тридцать тысяч баксов... Повторяю – это были чужие деньги. Судьба позволила мне лишь несколько секунд подержать их в руках.

За окном хмурилось, и едва электричка вышла за пределы станции, хлынул ливень, продолжавшийся почти всю дорогу. По окну струились потоки воды, а я думал о временности тела и бессмертия души. И опрометчивости отдельных граждан.

В Невольске я быстро отыскал нужную нотариальную контору, вручил тётки-Розин документ секретарю и отправился к автостанции, откуда обратный путь можно было проделать опять же быстрее.

Когда билет на ближайший рейс до Ольмаполя был уже у меня в кармане, я купил бутылку газировки, прошёл в расположенный рядом скверик и присел на скамью. До отправления автобуса оставалось больше получаса.

Один глоток довольно приятного прохладительного напитка прямо из горлышка бутылки, второй, и... взгляд уловил необычный зеленоватый перелив в зелёной же траве напротив, в двух шагах за бордюром дорожки. Так могло сверкать разбитое стекло. Его полно кругом. Те же пивные и водочные бутылки бьют и раскидывают, где попало, разные неряхи и морально тёмные люди – как взрослые, так и дети.

Ещё один взгляд за бордюр, и опять тот же мягкий, нежный перелив. Вспомнились сияние перстня на Мелких песках и мои способности к нахождению драгоценностей.

Не теряя из виду изумрудный огонёк, я медленно поднялся со скамьи и пересёк дорожку.

Это была какая-то странная вещица, виднелся лишь медно-жёлтый краешек её, большая же часть скрывалась в чёрной перегнойной почве. Вот мы сейчас... Несколько осторожных освобождающих движений – и источник сияния у меня в руках. Это был миниатюрный золотой гребень, инкрустированный изумрудами и бриллиантами.

О да, драгоценные вещицы чуть ли не сами шли мне в руки!

Приподняв голову, я огляделся. В скверике пусто. Лишь в отдалении на автостанции о чём-то переговаривались между собой несколько пассажиров, томившихся в ожидании рейса. Ни одного подозрительного взгляда в мою сторону.

По прибытии в «Таверну Кэт» я доложил тётке Розе о выполнении поручения и сразу же отправился к своему ювелиру.

– Полагаю, что это гребень известного мастера Филаретова, – сказал Соломон Давидович, внимательно изучив украшение. – Изготовлен по специальному заказу в конце восемнадцатого века. Украшение принадлежало графине Барятинской. Это был подарок её мужа, знаменитого графа Барятинского, богатейшего царского придворного. Но затем гребень был похищен или утерян при путешествии графини по Ольме. Где вы взяли его, молодой человек?

– Нашёл.

– Не скажете, где нашли?

– Отчего же, скажу. В Невольске. Лежал в траве привокзального парка. Только что прошёл сильный дождь, и, должно быть, украшение вымыло из почвы струями воды. Я оказался в нужном месте в нужное время.

– Надо же! А ведь графиня Барятинская действительно останавливалась в Невольске и провела в нём почти сутки. История её путешествия описана в хронологиях того времени.

Прочитав небольшую лекцию о гребнях как произведениях искусства, владелец «Золотого руна» назвал цену за украшение. Она вполне меня устроила.

Как и во всех предыдущих случаях, деньги от продажи украшения, основная их часть, остались у Соломона Давидовича. Он использовал их в финансовых операциях с начислением соответствующих процентов, довольно значительных, и мои банковские счета неуклонно возрастали. Обо всём, что происходило с моими депозитами, ювелир неизменно мне докладывал при каждом посещении его заведения.

Моё состояние росло и стало как бы частью меня. И ещё я проникся уверенностью, что сумею им распорядиться с наибольшей пользой себе и обществу.

Никто не знал о наших с ювелиром деловых отношениях. Никому не было ведомо, что худенький и физически не очень сильный мальчишка обладает поистине сказочным богатством.

Таковым оно представлялось мне в сравнении с достатком людей, среди которых я в ту пору вращался. Самой обеспеченной из них была Роза Глебовна. Но и она многократно уступала мне; если бы я купил её таверну три раза подряд, на моих счетах ещё оставались бы многомиллионные средства.

Глава одиннадцатая. Кирзовые сапоги

Наступило то главное, ради чего наша семья переехала в Ольмаполь.

Первого сентября я снова пошёл в школу. Номер двадцать. Действительно, до неё было пять минут пешего хода.

В классе, в который меня зачислили, насчитывалось тридцать два ученика. И среди них, к радости моей, Гриша Калитин и Антошка Файзулин.

Они начали знакомить меня с другими мальчиками – в первую очередь со своими приятелями. В этот момент вошла учительница математики Римма Владимировна, наша классная руководительница – я уже знал её, – и среди прочего объявила, что я новый ученик, что звать меня Максим Журавский, и указала мне место за одним из столов.

Моей соседкой оказалась та девочка, которую я видел в окне терентьевского дома при знаменитой разборке между Шкворнем и его отцом.

– Агриппина, – представилась она. – Для друзей – просто Груня.

– Я узнала тебя, – сказала девочка, когда я в свою очередь представился. – Это ты был тогда. Помнишь, год назад, в конце августа, мой брат Шурка выступал на улице? У тебя ещё удочка в руках была.

– Ещё бы не помнить! Разве забудешь: «Когда вырасту, я всех вас удавлю!»

– Давай так: о том, что было в тот раз перед нашим домом, – никому ни слова. Договорились?

– Ладно. Мне-то что.

– Или уже разболтал?

– Да нет. А из-за чего ваш отец со Шкворнем так схватились?

– Из-за торта. Отец купил маме торт на день рождения, а Шурка, пока дома никого не было, слопал его чуть ли не весь, скотина.

От остальных учениц Груня отличалась заметной крепостью тела и редкостной ладностью его. И у неё были зелёные-презелёные глаза с удивительным синим отсветом, такие, что... Они словно привораживали. И ещё из-за них немножко терялся рассудок.

– Чего уставился? – с усмешкой буркнула девочка. – Нечего на меня пялиться. Зелёных глаз не видел?

– Таких, как у тебя, – нет, не видел.

– Всё равно – нечего.

– Ладно.

Первого сентября была торжественная линейка, краткие выступления директора и лучших продвинутых учеников, затем урок мира. Учителя делали всё, чтобы создать благоприятный психологический климат и настроить ребят на учёбу.

Утром следующего дня я пришёл в класс раньше всех. За мной появилась Груня. Молча кивнули друг другу и сели за свой стол.

Вспомнив вчерашний разговор о зелёных глазах, я улыбнулся, склонил голову и увидел нечто, заставившее меня согнать улыбку и задуматься о прозе жизни. На ногах Груни были кирзовые сапоги. В подобной обуви поздней осенью или ранней весной, в самую слякоть, ходил мой отец. У меня тоже были кирзачи. Для дождливой погоды. И у всего мужского народонаселения Чукалина.

Но чтобы кирзуху надела городская девочка, да ещё в школу! Было чему удивляться.

– Чего уставился? – опять, на этот раз с вызовом, спросила Груня. – Кирзовых сапог не видел?

– Почему не видел! У меня самого такие есть.

Что и говорить, весь класс обратил внимание на необычную обувь Агриппины Терентьевой. Только своего удивления никто открыто не показывал. Как я уже понял, характер у девочки был ещё тот и связываться с ней остерегались. Однако за её спиной несколько ухмылок и ироничных взглядов всё же промелькнуло.

Четвёртым уроком была физкультура. На спортплощадке, под открытым небом. Сначала мы выполняли разминочные упражнения на лужайке возле беговой дорожки, затем пошли основные на спортивных снарядах.

Все ученики были в кроссовках и кедах, одна лишь Агриппина выделялась кирзовыми сапожищами.

В числе упражнений было подтягивание на турнике. Гриша Калитин подтянулся одиннадцать раз, Антошка Файзулин – семь, я – четыре, меньше всех из мальчишек.

Настала очередь Агриппины. Учитель физкультуры Павел Андреевич приподнял девочку под мышки; она ухватилась за перекладину, повисла, и её «сапожки» предстали на всеобщее обозрение: несоразмерно большие, далеко не новые, со стоптанными каблуками и протёртыми до дыр голенищами.

Кроме нас на площадке занимались ещё ученики параллельного класса. Едва моя соседка оказалась на турнике, от них донеслись громкие смех и крики: «Посмотрите, какие у Груньки онучи! Да, обувка ещё та, на свалке, видать, подобрала! Ребята, сбросимся по пятаку, купим Груняшке приличную обувь».

Павел Андреевич строгим взглядом и окриком моментально приструнил ерников и ободряюще посмотрел на владелицу сапог. Однако Агриппина никак не отреагировала на оскорбления – бровью не повела.

Подтянувшись три раза, она легко спрыгнула на землю и с непроницаемым видом присоединилась к одноклассникам.

Но унижения не забыла, и как только урок закончился и классы потянулись к зданию школы, догнала самого ретивого мальчика, особенно злорадствовавшего по поводу её сапог, и наградила его хорошей оплеухой. Сила удара была такова, что шутник повалился наземь.

– Терентьева, что ты делаешь?! – учитель вскипел в негодовании. – Разве девочка может так себя вести!

– Дураков надо учить, – флегматично ответила Агриппина. – Это ему на будущее. Чтобы держал свой грязный язык за зубами.

По окончании уроков мы с ней вместе пошли домой. Поймав мой взгляд, случайно скользнувший по кирзовым сапогам, девочка сказала:

– Что поделаешь, у меня туфли развалились. От изношенности. Только на первое сентября и хватило. Подошва оторвалась и... Я показала отцу. Он сказал, что денег на новую обувь нет и чтобы я надевала в школу его сапоги. Я и надела. Как считаешь, правильно я сделала?

– Я?

– Ну да, ты, я же тебя спрашиваю.

– Не знаю, как бы я поступил на твоём месте. Только давай...

– Что?

– Давай не пойдём сейчас домой, а...

– Если не домой, то куда? – Груня подкинула портфель и поймала его обеими руками.

– В универмаг, – сдержанно проговорил я.

– Зачем?

– Затем, чтобы купить тебе новые туфли.

– А где денежки на обновку?

– Деньги есть, не беспокойся.

Я достал из внутреннего кармашка бумажный пакетик, развернул его и показал пачечку крупных банкнот, выданных Эльдигером.

– Ба, сколько! Напечатал, что ли?

Груня рассмеялась и мазнула ладошкой мне по затылку.

– Ага, напечатал, – сказал я с приколом.

– Откуда тогда?

– Нашёл! Нашёл, вот и всё.

– Так я и поверила!

– Не верь, дело твоё, только я не вру. В некотором роде... нашёл.

– Ладно, не объясняй, пусть будет, как ты говоришь, – сказала Груня, и мы отправились в ближайший универсальный магазин.

В обувном отделе она примерила красивые туфельки – самые дорогие.

– Насчёт цены не беспокойся, – сказал я, заметив её взгляд, брошенный на ярлычок. – Бери всё, что только понравится.

– Ладно. А не пожалеешь?

– О деньгах? Нет, нисколечко.

Мы пошли по этажам и купили для неё платье, плащ, демисезонное пальто, зимние сапожки, спортивные тапочки и много что ещё. Даже кокетливую шляпку взяли – такие головные уборы, по нашему провинциальному разумению, были по карману только особо богатым дамам.

– Как же я буду с тобой расплачиваться за всю эту роскошь? – спросила Груня, когда мы вышли из магазина с полными пакетами покупок. – Если думаешь, что натурой, то ошибаешься – можешь забрать свои шмотки и девать, куда хочешь.

– Ничего я не думаю, – ответил я, чувствуя, как по лицу разливается горячая краска стыда. – Расплатишься потом. Деньгами. Или какой-нибудь услугой.

– Потом – это когда?

– Да всё равно когда. Пусть через год или два. Или когда вырастешь.

– Значит, с оплатой можно не спешить. А что за услугу имеешь в виду?

– Не знаю. Там видно будет. Но в любом случае не продажную. Лучше скажи, как дома объяснишь, что у тебя столько барахла появилось? На какие шиши!

– Ой, я как-то не подумала об этом.

– Вот и я не подумал.

– Всё элементарно! – с восторженной улыбкой воскликнула Груня немного погодя. – Скажу, что нашла клад. Ещё лучше – что нашла бумажник с деньгами! Нет, не бумажник, а целлофановый пакет! И получится, будто денежки нашёл не ты, а я. И никому ничего объяснять больше не придётся. Ну что, по домам?

– Погоди, давай ещё зайдём в пошивочную мастерскую. Пусть тебе подгонят кое-что из купленной одежды. Мне кажется, пальто надо немного приталить.

– И так хорошо.

– Хорошо да не очень. У тебя фигура близкая к идеальной. Надо чтобы одежда подчёркивала её, а не скрывала. То что мы купили всё же рассчитано на среднее телосложение.

– А деньги на подгонку?

– Да вот же они, – я показал несколько оставшихся купюр.

– И тебе так и не жалко тратиться на меня?

– Что их жалеть! Сказано же: деньги это навоз – сегодня нет, а завтра воз.

– А ты не думал найти хозяина денег?

– Я искал его и объявления давал. Никто не откликнулся.

На следующий день Груня пришла в школу одетая просто, но изящно, как будто она из какой-нибудь очень богатой семьи с вековыми культурными традициями. И учителя, и ученики – все обратили на неё внимание.

С Грушей – так я иногда называл про себя свою приятельницу – произошли примерно те же метаморфозы, что и с Элизой Дулиттл, главной героиней пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион», поведением и обликом превратившейся из уличной торговки цветами в герцогиню. Моя соседка по классу тоже стала выглядеть чуть ли не принцессой. Даже выражение лица её изменилось, выдавая одухотворённость и благородство натуры.

Наверное, Агриппина и в самом деле была благородным человеком, только тяжесть жизни и грубость общества во многом заставили эти её высокие качества притаиться до поры до времени. И выдавать разным хамам и мелкопакоостникам ответные порции грубости и жёсткости.

– Костюм мой со временем износится, – сказала Груня мне на ушко, чтобы не услышали другие ученики. – И опять я стану прежней золушкой.

– Не беспокойся, – шёпотом ответил я. – Мы купим тебе другую одежду, ещё более элегантную и...

Не сумев подобрать нужные слова, я сказал:

– Чтобы все ахнули.

– И всё же откуда у тебя столько денег? – повторила Груня прежний вопрос. – Такое впечатление, что ты им счёта не знаешь.

– Послушайте, медхен: неважно откуда. Главное, что они есть. Но только помалкивай об этом. Тогда ты будешь обеспечена до окончания школы всем необходимым. Пока жизнь не разведёт нас по разным далёким сторонам.

– А она разведёт нас?

– Думаю, да. Предчувствую.

– Жалко, коли так. Но всё равно спасибо тебе.

Она стрельнула в меня своим зелёным взглядом.

– Но сам ты одет... как бы немножко бедновато.

– Не обращай внимания. Это специально. Не хочу выделяться.

Дома Грунины родители рты открыли, когда она предстала во всей красе. Мать ахнула. Отец, заподозрив самое нехорошее, грозно спросил:

– Кто тебя так?

– Никто, – небрежно ответила Груня. И добавила: – Нашла пакет с деньгами. Вот, приделась.

– Нашла, значит. А почему домой деньги не принесла? – последовал ещё более грозный вопрос. – Мы тебя кормим, поим. Надо было нам отдать.

– Вам? Зачем? – всё так же невозмутимо ответила дочь. – Чтобы родимый батюшка половину из них пропил, а на другую половину новые кирзовые сапоги себе купил! Для этого, да?

– Ты как с отцом разговариваешь! – воскликнул глава семейства. Лицо его передёрнулось от гнева.

– Как вы учили, так и разговариваю. Разве по-другому надо? Тогда как? А-а, не знаете! Лучше скажите спасибо – теперь вам не надо тратиться на одежду для меня.

Отец заикнулся было, чтобы продолжить воспитательный разговор, но Груня остановила его тем, что водрузила на стол бутылку водки.

– Тебе, папаша. А это мамочке.

И положила на другую сторону стола пакет с какой-то красочной одеждой.

– Что в нём? – спросила мать.

– Кофточка, о которой ты столько лет мечтала.

– А Шурке что? – спросил отец, разглядывая этикетку на бутылке.

– Ему – дуля с маслом, – ответила Груня. – От него, кроме гадостей, я ничего не получала.

Однажды дождливым ноябрьским днём, когда мы возвращались из школы домой, моя приятельница о чём-то задумалась, погрустнела, потом сказала со вздохом:

– Сегодня Антошки Файзулина опять не было на уроках.

– Да, не было, – машинально подтвердил я.

– Знаешь почему?

– Нет, не знаю.

– Эх ты, не знаю! – с укором сказала девочка. – Ещё другом его называешься!

– Называюсь, и что?

– То, что ему в школу не в чем ходить! Ты видел, какая на нём одежда? А обувь!.. Носки у ботинок дырявые, пальцы наружу торчат. Пока сухо было, ещё ладно, а в такую слякоть разве можно выйти в них куда?! Меня разодел, как барыню, про Антошку же забыл!

Правду она сказала, забыл. От стыда я чуть сквозь землю не провалился.

Остаток совместного пути мы шли, не проронив ни слова.

Расставшись с Груней, я повернул не к «Таверне Кэт», где в основном проживал, а к большому магазину «Всё для мужчин».

Не меньше часа ушло у меня на выбор одежды и обуви подходящих размеров, как осенних, так и зимних. В итоге получился огромный тюк.

Уже затемно, я подъехал к Файзулиным на такси и перевалил это тючище через изгородь в палисадник так, чтобы он оказался поближе к ступенькам крыльца.

В доме горел свет. Подобрал камешек, я бросил его в окно. Тонко дзинькнуло стекло. Бесполезно, никакой реакции. Второй камешек, и опять «дзиньк!». Свет в окнах погас, и на крыльце показалась настороженная женская фигура. Это была мать Антона.

– Что ещё тут лежит? – глухо вполголоса проговорила она и, спустившись с крыльца, наклонилась над тюком. – Сынок, выйди-ка, посмотрим, что здесь!

Убедившись, что всё получилось, я неслышно покинул свой секрет.

На верху тюка, под завязочную петлю была подсунута бумажка с запиской следующего содержания:

«Сюрприз от Волшебника Изумрудного города. Чтобы вам было тепло и хорошо». А ещё в верхней части тюка, под обёрточной тканью, находились пять шоколадок и большой кулёк дорогих трюфельных конфет. Мне действительно нравилось делать приятные сюрпризы.

Это было в понедельник. А утром во вторник Антошка явился в школу одетый и обутый во всё новое. До конца учебного года он не пропустил больше ни одного урока.

Агриппина же получила от меня ещё одни сапожки – с модной в то время белой подошвой.

Так я и продолжал одевать свою соседку по классу. Как и обещал – до окончания школы. Но не слишком баловал её. Не больше двух покупок в год. Последняя – незадолго до выпускного вечера. Мы отправились в тот же универмаг, и Груня самостоятельно, без моего участия, выбрала себе платье в крупный чёрный горошек на белом фоне. Я лишь оплатил покупку.

В этом одеянии девочка была особенно хороша. Такой она и запомнилась мне на долгие годы.

Последний раз я видел её, когда меня заталкивали в автомобиль, чтобы доставить к Тиняеву и затем погresti в подземелье Девичьих гор.

А может, мне погресилось, и знакомая фигурка, проявившаяся в отдалении на секунду, была лишь фантомом, рождённым надеждой, что имеется свидетель похищения, что это свой человек и к несчастному заключённому придут на помощь.

Глава двенадцатая. Экстрасенсорика и вокруг неё

Как говаривал Геннадий Тихонович, если поставил перед собой главную цель своей жизни, неуклонно добивайся её достижения. С детства. Как в хореографии, где дети занимаются с четырёхлетнего возраста. В простейшей игровой форме.

Слова моего друга и учителя не забылись. И я всеми доступными средствами тоже двигался к своему идеальному образу, а лучше сказать, более высокому, чем у обычных мирских людей, состоянию души и тела.

Однако если в хореографическом искусстве обретение мастерства всегда идёт на основе многовековой школы и под руководством опытных преподавателей, то мне приходилось действовать на ощупь, посредством интуиции и обрывков сведений из СМИ. И ещё у меня были две книги, подаренные Геннадием Тихоновичем: «Практика ясновидения» и «Школа магии», из которых автору сих строк кое-что удалось почерпнуть и использовать на практике.

Где сельский учитель раздобыл эту волшебную литературу, поначалу мне было неизвестно. Скорее всего, думал я, выписал по какому-нибудь каталогу или приобрёл по случаю. Но не в этом суть. Главное, что он по мере возможности пытался способствовать развитию моих задатков.

Несколько позже, приоткрыв завесу прошлого, я узнал, что мой наставник приобрёл книги для посвящённых в одном из букинистических магазинов областного центра, будучи на учительской конференции.

Сердцевиной моей эмпирии, однако, было то, что, не пропуская ни одного дня, я пытался развивать свои сверхчувственности самостоятельно. В сущности, я постоянно жил этой идеей, надеясь реализовать её в полной мере.

Ольмаполь как нельзя лучше подходил для удовлетворения моих устремлений.

Сколько раз, бывало, шёл я по центральной улице Ольминский тракт, а навстречу и попутно со мной двигался – особенно по окончании трудового дня, – чуть ли не толпой валил трудовой и прочий народ, отрешённый от окружающего мира и занятый лишь своими проблемами, отчётливо видимыми на лицах. Какое удовлетворение давало мне познание внутреннего состояния мужчин и женщин, молодых и пожилых – самых разных персоналий!

Иногда я специально садился в маршрутный автобус, чтобы проникнуться общей душевно-мыслительной атмосферой, царившей в салоне. А направив взгляд на какого-нибудь пассажира, опять же быстро, едва ли не мгновенно улавливал и настроение его, и предмет раздумий.

Я уже упоминал о своей способности читать мысли людей, как, к примеру, в случае с семнадцатью миллионами Геннадия Тихоновича. Постепенно этот дар мне удалось довести почти до совершенства.

Гм, чтение мыслей! Пустяки, да и только. Настойчивая работа над собой способствовала развитию качеств и более высокого плана. Мне стали открываться картины былого, происходившие с самыми разными субъектами. Или будущее их, порой самое далёкое.

Чаще всего видения эти представляли одну только будничную серость. Редко проявлялось что-то красивое и изящное. А иной раз ноосферные тени оказывались настолько ужасными и безотрадными, что сердце сжималось от боли и страха, и я старался немедленно отогнать их от себя и вычеркнуть из памяти.

К сожалению, временами почти все мои магические способности исчезали. Что-то замыкало, заклинивало в голове. В этих случаях я погружался в информационный вакуум и не только терял расположенность к той же телепатии, например, но, кажется, переставал даже осознавать окружающую действительность; наступало некое подобие умственного и душевного опустошения, и я становился беспомощным, словно малый ребёнок.

Скорее всего, подобные катаклизмы происходили из-за мозговых повреждений, полученных при падении с Хромушкина обрыва. С одной стороны, страшный удар о ледяной выступ активизировал шишковидную железу, а с другой... Словом, что-то отключало её и, как следствие, парализовывало внутренние силы. Так продолжалось в течение нескольких лет.

Тогда было травмировано всё моё нутро, и мне только чудом удалось остаться в живых. Организм захирел, физически я стал отставать от сверстников, причём заметно. А ростом так и не вышел в своих родственников-мужчин, которые все были исключительно высокими и широкоплечими.

Вот и содержимое черепной коробки давало сбои.

Забегая вперёд, отмечу, что в определённый момент нашлись сущности, которые избавили меня от этого дефекта. Во время заключения в Галаевой пещере. В итоге мои личностные возможности многократно возросли и уже никогда не прерывались.

Но всё по порядку.

Спустя неделю после начала учебного года меня стала одолевать неисчезающая тревога, доводившая до изнеможения. Я закрывал глаза и внутренним зрением видел трёх молодых мужчин, натягивающих на лица маски – нечто вроде тёмных чулков с прорезями для носа и глаз. Вооружённые пистолетами, они входили в «Таверну Кэт». Особенно чётко эти видения проявлялись по ночам.

Меня лихорадило, учащённо билось сердце.

Не выдержав, я обратился к тёте Розе и всё ей рассказал.

– Ты думаешь, будет вооружённый налёт? – спросила она с некоторой долей нервного напряжения.

– Я видел грабителей так же явственно, как вижу вас сейчас.

– И что нам делать? – владелица таверны взяла себя в руки, и глаза её засветились насмешливыми огоньками.

– Надо подготовиться, чтобы нейтрализовать грабителей.

– И когда нас попытаются ограбить?

– По первости я не знал когда, а теперь понял – завтра, во время...

– Свадебного банкета! – продолжила тётя Роза. В её голосе опять прозвучало смятение.

В этот пятничный день в «Таверне Кэт» намеревался сыграть свадьбу своей дочери коммерсант Чепурный, владелец нескольких супермаркетов и других торговых заведений, в том числе магазина «Белый теплоход», где мы с друзьями покупали резиновую лодку. В праздничном торжестве должны были принять участие множество известных людей города, больше ста человек, определённо набитых деньгами для подношения новобрачным и украшенных дорогими безделушками в виде колец, браслетов, медальонов, клипсов и прочего.

– Обратиться в милицию? – рассуждала между тем тётя Роза. – Но там только посмеются над нами – мало ли кому что может привидеться и присниться! Никаких реальных фактов предстоящего нападения ведь нет. И отказаться от проведения свадьбы нельзя – так мы создадим себе антирекламу и распугаем всю клиентуру. Ладно, мы поступим в следующем духе: намекнём Чепурнику, чтобы его охрана была наготове. И Никите накажем смотреть в оба. И сами будем внимательны.

Никита был таверновским вышибалой. В обязанности его входило урезонивание буйных посетителей и обеспечение надлежащего порядка в целом.

Мне же намечаемые меры по охране банкетного зала показались не только недостаточными, а просто ветром надутыми. И такое предлагала Роза Глебовна, всегда отличавшаяся особым благоразумием!

Не добившись от неё нужного, я переговорил о своих видениях с Василием.

– Что делать? – задался я вопросом.

– Надо идти к дяде Серёже, – заключил мой друг, – нашему тренеру по рукопашному бою. И всё ему объяснить.

Дядя Серёжа, Сергей Александрович Аринин, – бывший спецназовец, прошёл Афган, первую кавказскую войну, служил в так называемых горячих точках и отличался бесконечным мужеством и отвагой. Не раз он приходил на помощь своим ученикам-рукопашникам, попадавшим в затруднительные жизненные ситуации.

И всё же я усомнился в предложении друга.

– С какой стати ему вмешиваться?

– Да он такой – всегда готов поддержать!

Короче, отправились мы к этому тренеру.

В основном говорил Камаш. Я лишь добавлял уточняющие слова.

Аринин выслушал нас, помолчал, взглянул на меня таким прищуренным взглядом и сказал:

– Ладно. Особо не беспокойтесь. Попробуем разругать нештатную ситуацию, если она возникнет. А знаете что! Не будем откладывать. Идёмте прямо сейчас. На разведку.

К делу Аринин подошёл со всей серьёзностью: осмотрел подходы к зданию, прошёл внутрь, заглянул в банкетный зал и подсобные помещения, поговорил с Розой Глебовной о предстоящем торжестве и своём возможном участии в нём и с тем удалился.

Коммерсанту Чепурнию решено было ничего не говорить.

И вот торжественный вечер наступил.

Зал представлял собой внутреннее убранство старинного парусного корабля – своего рода смешение кают-компаний и кубрика с элементами самого затрапезного припортового кабака семнадцатого века. По углам помещения стояли бочки с табуретами, а половину центра занимали столы со стульями, тоже выполненные под корабельную старину.

Вся обслуга была в матросской форме, и я в том числе. Мне отводилась роль юнги, находящегося на посылках у стюардов и стюардесс.

Празднество проходило без сучка и задоринки, по тщательно обговоренному сценарию.

Миновал час, свадьба была в разгаре. Я уже начал сомневаться в правильности своих страшных видений, как вдруг в весёлую симфонию торжества вплёлся какой-то посторонний дискомфортный шум и у выходных дверей возникли две фигуры в чёрных масках и с пистолетами в руках.

– Это ограбление! – зычно прокатилось по таверне. – Всем оставаться на своих местах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.